

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(Историко-критический очерк)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брошюра Плеханова, посвященная жизни и деятельности Лассалья, осталась незаконченной. На русском языке в 1887 г. — «Библиотека современного социализма», выпуск четвертый — вышла только первая часть. В трех главах Плеханов дает очерк общественно-политических движений в Германии в первой половине XIX века, знакомит читателя с предшественниками Лассалья в истории рабочего движения — Вейтлингом, Марксом и Энгельсом — и биографию Лассалья вплоть до того времени, когда он вступил «на путь агитации, тревоги которой составляют почти все содержание двух последних лет его жизни».

Таким образом, изложение деятельности Лассалья обрывалось у самого начала интереснейшего периода жизни Лассалья. Уже в напечатанной части Плеханов замечает, что Лассаль «иногда готов был идти рядом с прусским правительством, соглашаясь несогласимое, реакционную монархию с революционной демократией». Можно было ожидать, что Плеханов, при анализе агитационной деятельности Лассалья, подробно разовьет и докажет эту мысль.

Но вторая часть почему-то не была напечатана, хотя брошюра о Лассале должна была составить, по плану Плеханова, только одну часть истории немецкого рабочего движения. В декабре 1887 г. Плеханов писал Аксельроду:

«Пишите, что хотите, но пишите. По-моему, вот две недурные темы: или бы вы взяли на себя продолжение моего Лассалья, т. е. историю немецкого движения со смерти Лассалья до настоящего времени, или бы вы написали брошюру «М. А. Бакунин». Вера [Засулич] уже отослала свой Интернационал, и ваш Бакунин был бы хорошим дополнением к нему. Этой работой вы мне доставили бы большое удовольствие. Маркс и Энгельс должны быть отпущены, наконец, и на русском языке».¹

В 1888 г. вышел «Социал-демократ». В этом сборнике напечатаны статьи: Аксельрода — «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь» и Засулич — «Очерк истории Международного общества рабочих», но продолжение работы Плеханова, которая по его же предположению должна была служить началом этой серии, не появилось ни в этом сборнике, ни в следующих изданиях группы «Освобождение труда».

А между тем работа, как это видно из письма Плеханова, была уже написана. Трудно сказать теперь, почему Плеханов или группа «Освобождение труда»

¹ «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода». Издание Р. Плехановой. Москва, 1925, стр. 31.

отказались от первоначального плана. Среди рукописей Плеханова этой работы, как видно, не оказалось, иначе его душеприказчики давно бы уже напечатали ее или передали для напечатания Госиздату.

Счастливым случаем дает теперь возможность восстановить вторую часть работы Плеханова — к сожалению, только в обратном переводе на русский язык. Оказалось, что работа была уже напечатана целиком на польском языке.

Тов. Бакалов, один из ближайших учеников Плеханова и переводчик почти всех его крупных произведений на болгарский язык, сообщил нам, со слов Плеханова, что работа о Лассале была опубликована в каком-то польском журнале, но что ему не удалось установить, в каком именно. Наиболее вероятным являлось предположение, что такая нелегальная работа вряд ли могла быть опубликована в конце 80-х годов в русской Польше, сейчас же после процесса «Пролетариата». Это могло быть сделано только в заграничной польской прессе — Женеве или в Париже — или — что казалось тоже мало вероятным — в австрийской Польше.

Оказалось, что в 1886 — 1887 гг. в Львове (Лемберге) выходил социалистический журнал «Przegląd Społeczny», редактором которого был Болеслав Вислоух и сотрудниками которого были такие социалисты, как Б. Лимановский, теоретический родоначальник пепезовцев, и более или менее чистые марксисты вроде Крживицкого, Винярского и Длусского, связанные с организацией «Пролетариат». Журналу пришлось вести упорную борьбу с австрийской цензурой. Автор истории социалистического движения в русской Польше, Рес, сообщает, что из 18 номеров конфисковано было не менее 11!¹ По его же словам, именно в этом журнале Плеханов напечатал свой очерк жизни и деятельности Лассалья. Нужно было установить, появилась ли эта работа действительно целиком. Благодаря любезной помощи т. О. Бош мы получили фотографии всех — их оказалось четыре — статей Плеханова, напечатанных в этом журнале.

Вместо трех глав мы имеем четыре. Последняя глава посвящена последнему и важнейшему периоду в жизни Лассалья. Но уже беглое сравнение соответствующих глав в русской и польской редакции показывает, что между обеими имеются крупные различия. В первой главе, посвященной внутренней истории Германии в первой половине XIX века, мы констатируем только незначительные различия, на которых в этом предисловии не стоит останавливаться. Вторая глава русского издания, в которой Плеханов исследует вопрос, имел ли Лассаль других предшественников, кроме Шульце-Делича, в польской редакции отсутствует целиком. Зато в следующих двух главах польской редакции, соответствующих третьей главе русского издания, посвященной биографии Лассалья до 1862 г., мы находим в высшей степени важные дополнения.

Первое из них относится к той части очерка о Лассале,² в которой Плеханов объясняет, почему Лассаль сделался рьяным гегельянцем. В печатаемой нами теперь польской редакции (см. стр. 166—167) имеется большая вставка по «вопросу о том, каким образом «реставраторская философия» консервативного Гегеля могла стать базой для самых революционных теорий, известных когда-либо истории». Ссылаясь на известные слова Энгельса, Плеханов доказывает, что «научный социализм был последним, но вместе с тем и самым великолепным плодом критической деятельности гегельянской левой».

Второе дополнение сделано в связи с работой Лассалья о Гераклите. В то время как в русской редакции Плеханов ограничивается замечанием, что это ученое сочинение доставило автору славу в ученом мире и до сих пор считается важнейшим пособием при изучении Гераклита, он в польской редакции дает сжатый, но весьма содержательный критический разбор основных поло-

¹ Res, *Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim*, Warszawa, 1910, стр. 233.

² См. Плеханов, Сочинения, т. IV, стр. 32.

жений этой работы Лассалья. Сама собой напрашивается интересная задача: сравнение критических замечаний Плеханова, сделанных им тогда, когда в его распоряжении не было ни одной марксистской критики работы Лассалья, с опубликованными после письмами Маркса и Энгельса, а теперь и с замечаниями Ленина. Плеханов констатирует в результате своего разбора, что «Лассаль остался значительно позади Маркса».

Третье крупное дополнение сделано Плехановым в связи с «Теорией приобретенных прав». В русском тексте сказано: «В своем месте мы познакомили читателя с содержанием этого сочинения». Возможно, что Плеханов хотел связать этот вопрос с каким-нибудь вопросом практической агитации, на котором он мог бы показать, как «теория приобретенных прав» может обратиться в «практику отнятых прав».

И в данном случае само собой напрашивается сравнение критических замечаний Плеханова с соответствующими письмами Маркса и Энгельса. Плеханов признает, что точка зрения Лассалья представляет значительный шаг вперед по сравнению с метафизическими взглядами большинства юристов, но что Лассаль, заимствуя ее у Гегеля, остается по существу идеалистом.

«Понятие является для него источником всех юридических, политических и экономических отношений. Этот взгляд, свойственный идеалистической системе Гегеля, согласно которой природа и история представляют результат диалектического развития духа, является совсем неуместным в доктрине, порвавшей с метафизикой Гегеля, позаимствовав у него только метод. Единственным выходом было — стать на прочной почве материалистического учения Маркса. В противном случае диалектический метод теряет почти все свое значение, так как пеходной его точкой является монизм». Обращаем внимание читателя на интересное примечание, которое сделано Плехановым в связи с этой мыслью: «Существуют лишь две монистические системы: идеалистическая Гегеля и материалистическая Маркса. Все другие заражены неизлечимым дуализмом или же являются одной из фаз в развитии двух первых. Доказать это не трудно, и такая задача могла бы стать темой очень интересного историко-философского исследования». Только через восемь лет, уже совсем по другому поводу, Плеханов написал это «очень интересное историко-философское исследование» под названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Подробнее и более резко критикует Плеханов позицию Лассалья, занятую им в брошюре «Der italienische Krieg». По его мнению, постановка вопроса Лассалем могла только значительно способствовать упрочению веры в прогрессивную миссию прусской монархии. По мнению Плеханова, «и сейчас еще она неоднократно проскальзывает в речах немецких социал-демократов, которые раньше принадлежали к фракции Лассалья».

Но если Плеханов в польской редакции останавливается больше даже на таком произведении, как «Господин Юлиан Шмидт», то в русской брошюре он посвящает гораздо больше места изложению и критике «Франца фон-Зиккингена», исторической драмы из времен реформации. Правда, эта драма интересует его преимущественно как источник для изучения психологии Лассалья.

В четвертой главе Плеханов излагает ход и содержание агитации Лассалья. Он резко критикует заигрывания организатора рабочей партии с реакцией:

«Не выступая принципиально против соглашения рабочего класса с реакцией, Лассаль допускал тем самым его возможность, конечно при определенных условиях. Итак, он считал возможной борьбу рабочих с тем общественно-историческим движением, результатом которого должна была явиться, по его собственным словам, победа труда над капиталом. И что удивительного в том, что его последователи хотели осуществить то, что он считал возможным, и заключить действительно соглашение с Бисмарком?»

Не менее критически Плеханов относится и к крупнейшей экономической работе Лассалья «Капитал и труд».

«Лассаль пробовал соединить теорию Маркса со взглядами Родбертуса, а эклектизм такого рода должен был уже сам по себе отрицательно повлиять на стройность и целостность экономических взглядов нашего автора; если же мы примем во внимание исторические ошибки, совершаемые так часто самим Родбертусом, то легко поймем, почему «Капитал и труд» можно считать в настоящее время устаревшим во многих отношениях».

Плеханов относится критически и к одному из главных пунктов практической программы Лассаля. «Никто из современных социал-демократов, — замечает он, — не придает большого значения проекту организации производительных товариществ».

Мы знаем, что в первой программной брошюре группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба» — Плеханов считал главнейшим пунктом программы будущей рабочей партии «государственную помощь производительным ассоциациям».

Вполне понятно, что этот пункт повторен и в первом проекте программы группы «Освобождение труда», — правда, в более обстоятельной формулировке. Там выставлено требование «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянам, горным, фабричным и заводским рабочим, кустарям и т. д.)».

Цитированная программа напечатана была в 1884 г. Но это же самое требование повторено во втором проекте программы, вышедшем в 1888 г., следовательно уже после работы Плеханова о Лассале. Не представляет ли сохранение этого требования результат компромисса внутри группы «Освобождение труда»?

Мы даем полный перевод польской статьи Плеханова, используя при этом для тех ее частей, которые тождественны в обеих редакциях, русский оригинал. Перевод сделан т. Р. Будзинской.

Д. Рязанов.

Дом Плеханова"

№ 1280

ИНСТИТУТ К. МАРКСА и Ф. ЭНГЕЛЬСА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕТОПИСИ МАРКСИЗМА

I (XI)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА * 1930 * ЛЕНИНГРАД

Дом Плеханова"

№ 279

П. 19. Гиз № 37628.
Ленинградский Облгизлит № 51989.
17 л. Тираж 3000.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ФЕРДИНАНД ЛАССАЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

(Историко-критический очерк)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Брошюра Плеханова, посвященная жизни и деятельности Лассалья, осталась незаконченной. На русском языке в 1887 г. — «Библиотека современного социализма», выпуск четвертый — вышла только первая часть. В трех главах Плеханов дает очерк общественно-политических движений в Германии в первой половине XIX века, знакомит читателя с предшественниками Лассалья в истории рабочего движения — Вейтлингом, Марксом и Энгельсом — и биографию Лассалья вплоть до того времени, когда он вступил «на путь агитации, тревоги которой составляют почти все содержание двух последних лет его жизни».

Таким образом, изложение деятельности Лассалья обрывалось у самого начала интереснейшего периода жизни Лассалья. Уже в напечатанной части Плеханов замечает, что Лассаль «иногда готов был идти рядом с прусским правительством, соглашаясь несогласимое, реакционную монархию с революционной демократией». Можно было ожидать, что Плеханов, при анализе агитационной деятельности Лассалья, подробно разовьет и докажет эту мысль.

Но вторая часть почему-то не была напечатана, хотя брошюра о Лассале должна была составить, по плану Плеханова, только одну часть истории немецкого рабочего движения. В декабре 1887 г. Плеханов писал Аксельроду:

«Пишите, что хотите, но пишите. По-моему, вот две недурные темы: или бы вы взяли на себя продолжение моего Лассалья, т. е. историю немецкого движения со смерти Лассалья до настоящего времени, или бы вы написали брошюру «М. А. Бакунин». Вера [Засулич] уже отослала свой Интернационал, и ваш Бакунин был бы хорошим дополнением к нему. Этой работой вы мне доставили бы большое удовольствие. Маркс и Энгельс должны быть отпущены, наконец, и на русском языке».¹

В 1888 г. вышел «Социал-демократ». В этом сборнике напечатаны статьи: Аксельрода — «Рабочее движение в начале 60-х годов и теперь» и Засулич — «Очерк истории Международного общества рабочих», но продолжение работы Плеханова, которая по его же предположению должна была служить началом этой серии, не появилось ни в этом сборнике, ни в следующих изданиях группы «Освобождение труда».

А между тем работа, как это видно из письма Плеханова, была уже написана. Трудно сказать теперь, почему Плеханов или группа «Освобождение труда»

¹ «Переписка Г. Плеханова и П. Аксельрода». Издание Р. Плехановой. Москва, 1925, стр. 31.

отказались от первоначального плана. Среди рукописей Плеханова этой работы, как видно, не оказалось, иначе его душеприказчики давно бы уже напечатали ее или передали для напечатания Госиздату.

Счастливым случаем дает теперь возможность восстановить вторую часть работы Плеханова — к сожалению, только в обратном переводе на русский язык. Оказалось, что работа была уже напечатана целиком на польском языке.

Тов. Бакалов, один из ближайших учеников Плеханова и переводчик почти всех его крупных произведений на болгарский язык, сообщил нам, со слов Плеханова, что работа о Лассале была опубликована в каком-то польском журнале, но что ему не удалось установить, в каком именно. Наиболее вероятным являлось предположение, что такая нелегальная работа вряд ли могла быть опубликована в конце 80-х годов в русской Польше, сейчас же после процесса «Пролетариата». Это могло быть сделано только в заграничной польской прессе — Женеве или в Париже — или — что казалось тоже мало вероятным — в австрийской Польше.

Оказалось, что в 1886 — 1887 гг. в Львове (Лемберге) выходил социалистический журнал «Przegląd Społeczny», редактором которого был Болеслав Вислоух и сотрудниками которого были такие социалисты, как Б. Лимановский, теоретический родоначальник пепезовцев, и более или менее чистые марксисты вроде Крживицкого, Винярекого и Длусского, связанные с организацией «Пролетариат». Журналу пришлось вести упорную борьбу с австрийской цензурой. Автор истории социалистического движения в русской Польше, Рес, сообщает, что из 18 номеров конфисковано было не менее 11!¹ По его же словам, именно в этом журнале Плеханов напечатал свой очерк жизни и деятельности Лассала. Нужно было установить, появилась ли эта работа действительно целиком. Благодаря любезной помощи т. О. Бош мы получили фотографии всех — их оказалось четыре — статей Плеханова, напечатанных в этом журнале.

Вместо трех глав мы имеем четыре. Последняя глава посвящена последнему и важнейшему периоду в жизни Лассала. Но уже беглое сравнение соответствующих глав в русской и польской редакции показывает, что между обеими имеются крупные различия. В первой главе, посвященной внутренней истории Германии в первой половине XIX века, мы констатируем только незначительные различия, на которых в этом предисловии не стоит останавливаться. Вторая глава русского издания, в которой Плеханов исследует вопрос, имел ли Лассаль других предшественников, кроме Шульце-Делича, в польской редакции отсутствует целиком. Зато в следующих двух главах польской редакции, соответствующих третьей главе русского издания, посвященной биографии Лассала до 1862 г., мы находим в высшей степени важные дополнения.

Первое из них относится к той части очерка о Лассале,² в которой Плеханов объясняет, почему Лассаль сделался рьяным гегельянцем. В печатаемой нами теперь польской редакции (см. стр. 166—167) имеется большая вставка по «вопросу о том, каким образом «реставраторская философия» консервативного Гегеля могла стать базой для самых революционных теорий, известных когда-либо истории». Ссылаясь на известные слова Энгельса, Плеханов доказывает, что «научный социализм был последним, но вместе с тем и самым великодушным плодом критической деятельности гегельянской левой».

Второе дополнение сделано в связи с работой Лассала о Гераклите. В то время как в русской редакции Плеханов ограничивается замечанием, что это ученое сочинение доставило автору славу в ученом мире и до сих пор считается важнейшим пособием при изучении Гераклита, он в польской редакции дает сжатый, но весьма содержательный критический разбор основных поло-

¹ Res, *Dzieje ruchu socjalistycznego w zaborze rosyjskim*, Warszawa, 1910, стр. 233.

² См. Плеханов, Сочинения, т. IV, стр. 32.

жений этой работы Лассалья. Сама собой напрашивается интересная задача: сравнение критических замечаний Плеханова, сделанных им тогда, когда в его распоряжении не было ни одной марксистской критики работы Лассалья, с опубликованными после письмами Маркса и Энгельса, а теперь и с замечаниями Ленина. Плеханов констатирует в результате своего разбора, что «Лассаль остался значительно позади Маркса».

Третье крупное дополнение сделано Плехановым в связи с «Теорией приобретенных прав». В русском тексте сказано: «В своем месте мы познакомили читателя с содержанием этого сочинения». Возможно, что Плеханов хотел связать этот вопрос с каким-нибудь вопросом практической агитации, на котором он мог бы показать, как «теория приобретенных прав» может обратиться в «практику отнятых прав».

И в данном случае само собой напрашивается сравнение критических замечаний Плеханова с соответствующими письмами Маркса и Энгельса. Плеханов признает, что точка зрения Лассалья представляет значительный шаг вперед по сравнению с метафизическими взглядами большинства юристов, но что Лассаль, заимствуя ее у Гегеля, остается по существу идеалистом.

«Понятие является для него источником всех юридических, политических и экономических отношений. Этот взгляд, свойственный идеалистической системе Гегеля, согласно которой природа и история представляют результат диалектического развития духа, является совсем неуместным в доктрине, порвавшей с метафизикой Гегеля, позаимствовав у него только метод. Единственным выходом было — стать на прочной почве материалистического учения Маркса. В противном случае диалектический метод теряет почти все свое значение, так как пеходной его точкой является монизм». Обращаем внимание читателя на интересное примечание, которое сделано Плехановым в связи с этой мыслью: «Существуют лишь две монистические системы: идеалистическая Гегеля и материалистическая Маркса. Все другие заражены неизлечимым дуализмом или же являются одной из фаз в развитии двух первых. Доказать это не трудно, и такая задача могла бы стать темой очень интересного историко-философского исследования». Только через восемь лет, уже совсем по другому поводу, Плеханов написал это «очень интересное историко-философское исследование» под названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю».

Подробнее и более резко критикует Плеханов позицию Лассалья, занятую им в брошюре «Der italienische Krieg». По его мнению, постановка вопроса Лассалем могла только значительно способствовать упрочению веры в прогрессивную миссию прусской монархии. По мнению Плеханова, «и сейчас еще она неоднократно проскальзывает в речах немецких социал-демократов, которые раньше принадлежали к фракции Лассалья».

Но если Плеханов в польской редакции останавливается больше даже на таком произведении, как «Господин Юлиан Шмидт», то в русской брошюре он посвящает гораздо больше места изложению и критике «Франца фон-Зиккингена», исторической драмы из времен реформации. Правда, эта драма интересует его преимущественно как источник для изучения психологии Лассалья.

В четвертой главе Плеханов излагает ход и содержание агитации Лассалья. Он резко критикует заигрывания организатора рабочей партии с реакцией:

«Не выступая принципиально против соглашения рабочего класса с реакцией, Лассаль допускал тем самым его возможность, конечно при определенных условиях. И так, он считал возможной борьбу рабочих с тем общественно-историческим движением, результатом которого должна была явиться, по его собственным словам, победа труда над капиталом. И что удивительного в том, что его последователи хотели осуществить то, что он считал возможным, и заключить действительно соглашение с Бисмарком?»

Не менее критически Плеханов относится и к крупнейшей экономической работе Лассалья «Капитал и труд».

«Лассаль пробовал соединить теорию Маркса со взглядами Родбертуса, а эклектизм такого рода должен был уже сам по себе отрицательно повлиять на стройность и целостность экономических взглядов нашего автора; если же мы примем во внимание исторические ошибки, совершаемые так часто самим Родбертусом, то легко поймем, почему «Капитал и труд» можно считать в настоящее время устаревшим во многих отношениях».

Плеханов относится критически и к одному из главных пунктов практической программы Лассалья. «Никто из современных социал-демократов, — замечает он, — не придает большого значения проекту организации производительных товариществ».

Мы знаем, что в первой программной брошюре группы «Освобождение труда» — «Социализм и политическая борьба» — Плеханов считал главнейшим пунктом программы будущей рабочей партии «государственную помощь производительным ассоциациям».

Вполне понятно, что этот пункт повторен и в первом проекте программы группы «Освобождение труда», — правда, в более обстоятельной формулировке. Там выставлено требование «государственной помощи производительным ассоциациям, организующимся во всевозможных отраслях земледелия, добывающей и обрабатывающей промышленности (крестьянам, горным, фабричным и заводским рабочим, кустарям и т. д.)».

Цитированная программа напечатана была в 1884 г. Но это же самое требование повторено во втором проекте программы, вышедшем в 1888 г., следовательно уже после работы Плеханова о Лассале. Не представляет ли сохранение этого требования результат компромисса внутри группы «Освобождение труда»?

Мы даем полный перевод польской статьи Плеханова, используя при этом для тех ее частей, которые тождественны в обеих редакциях, русский оригинал. Перевод сделан т. Р. Будзинской.

Д. Рязанов.

Чтобы выяснить историческое значение деятельности Лассалья, мы считаем нелишним напомнить читателю те общественно-политические движения, которыми ознаменовалась внутренняя история Германии в первой половине XIX века.

В начале этого века Германия является страной очень отсталой в экономическом и политическом отношениях. Ее и без того ничтожное промышленное развитие стесняется множеством препятствий, унаследованных от средних веков; ее обмен затрудняется политической раздробленностью страны и внутренними таможенными, а ее политический строй можно охарактеризовать одним словом — абсолютизм.

Шлоссер в своей истории XVIII века подробно описывает жизнь Германии под игом множества крупных, средних и мелких деспотов.

«Честному Михелю» не легко жилось, он тяжело вздыхал, но, вероятно, долго еще не вышел бы из своего забытья, если бы его не разбудила бурлящая Франция.

Наполеоновские войны показали всю гнилость и ветхость политического устройства Германии, толкая одновременно правительство на путь реформ ради увеличения своих сил и средств в войне. Пруссия первая вошла на этот путь. Благодаря инициативе Гарденберга там предприняли целый ряд реформ, которые если не уничтожили, то, во всяком случае, уменьшили гнет феодального правопорядка. С другой стороны, неприятельское нашествие пробудило во всей Германии стремление к свободе, которое правительства волей-неволей принуждены были поддерживать, так как оно удесятерило силы нации. Чтобы поощрить немцев к борьбе с Наполеоном, им обещали даже представительное правление.

Обещание это было, однако, забыто почти всеми правительствами тотчас же после падения Наполеона. Поощрявшаяся прежде любовь к свободе стала преступлением, самый патриотизм сделался подозрительным в глазах правительств, обязанных ему своим восстановлением. Неудивительно поэтому, что в более развитых слоях нации явилось недовольство и раздражение.

«Уже во время последней [наполеоновской] войны можно было слышать от Арндта, Петерса, Лудена, Яна жалобу на то, что опасность и борьба слишком скоро прошли для Германии, что мир слишком легко возвратит изгнанных духов тьмы, что только новая война может отвратить вредную порчу, вкрадывающуюся в отечественные дела», — говорит Гервинус в своей «Истории XIX века». Но новой войны не было, а следовательно, и нельзя было надеяться на то, что мир принесет, наконец, Германии политическую свободу. Оставалось завоевать ее путем борьбы с реакцией. Но здесь подтвердилась та старая истина, что борьба за внутреннюю

свободу предполагает в народе гораздо большую степень развития, чем борьба за внешнюю независимость. Против французов поднялись все, против собственных правительств способны были восстать в тогдашней Германии только немногие. Эти немногие принадлежали к интеллигенции страны, т. е. к учащимся и к учащим. Уже в начале второго десятилетия между немецкими студентами появляются решительные революционеры, которые приобретают значительное влияние на молодежь. Братья Фоллены основывают в Гиссене общество «Безусловных» (der Unbedingten). В одной из песен, распевавшихся членами этого общества, говорится прямо, что

Лишь волей граждан спаянный народ —
Помазанный на царство самодержец.

Другая песня заканчивается решительным воззванием —

Nieder mit Kronen, Thronen, Frohnen, Drohnen und Baronen!
Sturm! ¹

Борьба, начавшаяся, таким образом, между правительствами и революционной молодежью, по необходимости должна была протянуться очень долго. С одной стороны, революционеры были слишком правы в своих требованиях, чтобы отступить от них при первых неудачах, а с другой стороны, невозможно было скорое осуществление этих требований, так как они находили сочувствие лишь в очень незначительной части населения.

Дворянство боялось за свои привилегии, а «горожанин, издавна боязливо привязанный к своему дому и ремеслу, не имел до той поры ни привычки, ни времени думать об общественных делах, не имел ни понятия, ни способности к тому, чтобы получить понятие о судьбах и обстоятельствах государственного быта, почти не имел понятия о делах своей общины. Он с радостью готов был уклониться от всякой гражданской обязанности и за это рад был бы отказаться от всех гражданских прав; даже когда появлением сборщика податей напоминалась ему обязанность, ему едва вспоминалось право. Он предоставлял думать о государственных делах чиновнику, потому что ведь они вверены ему, хоть и ненавидел этого чиновника. Точно так же он... предоставил высшие почести и должности в государстве дворянину, хотя и сердился на его привилегированность». ²

Об эту неразвитость, об этот индифферентизм разбивались все усилия революционной молодежи, которая по словам того же Гервинуса, «отчаянно мучилась нетерпеливым сомнением, когда же, наконец, начнет и начнет ли когда-нибудь таять эта старая ледяная кора». События показали, что для «таяния» необходимо было изменение внутреннего строения «коры», а оно не заставило себя ждать и совершалось неуклонно, хотя медленно и незаметно. Политическая неразвитость среднего сословия обуславливалась его экономической отсталостью, преобладанием в Германии мелкого ремесленного производства. Но мелкое производство само заключает в себе условия, которые рано или поздно устраняют его,

¹ Долой короны, троны, рабство, трутней и баронов! В атаку!

² Гервинус, История XIX века, т. II, стр. 370,

выдвигая на сцену крупную промышленность. К тому же здесь присоединилось влияние международных отношений, ускорявших внутреннее развитие Германии. Таким образом, между тем как правительства свирепствовали против молодежи и постановляли свои «карлсбадские» и другие решения; между тем как революционеры ломали голову над вопросом о том, как же разбудить народ, — на историческую сцену Германии выступили новые действующие лица.

Рядом с совершенно забытым крестьянином и с политически неразвитым горожанином старого закала появились крупный предприниматель и работник, буржуа и пролетарий.

Первым заявил о своем появлении, как и следовало ожидать, господин предприниматель. С начала тридцатых годов его присутствие дает себя чувствовать во всех сферах тогдашней общественной жизни.

«Только теперь в Германии купец и основатель акционерных обществ, как Ганземан, мог сделаться руководителем общественного мнения. Промышленные товарищества и подобные им общества росли в начале тридцатых годов, как грибы; на средства граждан начинавших богатеть городов создавались политехнические училища, высшие ремесленные и торговые школы, между тем как несомненные недостатки гимназий и университетов рассматривались в увеличительное стекло отрицательного отношения. Правительства старались здесь успокоить, там предупредить, но сами были, вообще говоря, охвачены тем же духом. Главнейшая их деятельность направлена была на создание средств обмена, а важнейшим социально-политическим делом всего десятилетия была организация Немецкого таможенного союза. Еще более важной была, несомненно, постройка железных дорог, в которой соперничали с половины десятилетия главнейшие торговые города. Как раз в то же время интерес к естественным наукам обнаружился, наконец, в Германии, причем самую выдающуюся роль играла химия — наука, стоящая в теснейшей связи с практическими интересами».¹

Влияние новых общественных потребностей не менее заметно и в области так называемых нравственных и политических наук. Корифеи философии разрывают решительно с тем духом компромисса, который, по замечанию Ибервега, характеризует собою всю предыдущую немецкую метафизику.

В политической экономии появляется учение Фридриха Листа, в котором, как в зеркале, отражается тогдашнее положение немецкой буржуазии.

Одновременно растет недовольство политическим строем Германии и восторг перед конституционной Францией. Буржуа начинает сознавать свое значение и готовится вмешаться в борьбу революционной молодежи с правительством.

В начале сороковых годов напоминает о своем существовании и пролетарий. В различных местностях немецкого союза происходят рабочие волнения, которые усмиряются розгами и штыками. Причиной этих волнений было, конечно, бедственное экономическое положение рабочих, и в этом смысле, можно сказать, что они являлись грозным предостережением и для самой буржуазии. Но, во-первых, принятыми против них жестокими мерами правительства сами поторопились

¹ F.-A. Lange, Geschichte des Materialismus, B. II. S. 436 — 437.

обратить на себя ненависть рабочего класса. В своем знаменитом стихотворении «Ткачи», написанном по поводу силезских волнений, Гейне недаром заставляет рабочих посылать проклятие «королю всех счастливых». Кроме того, созданный развитием новой формы промышленности пролетарий по необходимости становится во враждебное отношение ко всем остаткам старых общественных отношений, а следовательно, и к полицейски-деспотическому государству.

Разбуженный шумом нового движения, стесненный в своем материальном положении развитием крупной промышленности, мелкий горожанин также почувствовал недовольство существующим политическим порядком и заговорил о конституции.

Наконец, заволновался и крестьянин, который во многих местностях Германии был, как мы уже сказали, почти в полной крепостной зависимости.

Под соединенными усилиями всех этих недовольных элементов пало в 1848 г. насквозь прогнившее здание немецкого абсолютизма.

Главную, руководящую роль в этом движении играла фактически буржуазия. Самую многочисленную часть революционной армии — равно в качественном, как и в количественном отношении — составляли трудящиеся города: пролетарии и ремесленники. Поэтому взаимоотношения между буржуазией и рабочим классом обуславливался весь ход и исход революционного движения в Германии в 1848 г. Эти отношения скоро выявились вполне отчетливо. Когда 6 апреля берлинские работники мирно собрались для обсуждения своих нужд и требований, буржуазная гражданская стража поспешила окружить место собрания и занять рядом лежащие улицы. Берлинская буржуазия ясно доказала этим, что она не доверяет рабочим и опасается их.¹

По всей Германии стали распространяться тревожные слухи о рабочих волнениях, вследствие чего самая вздорная выдумка вызывала панику среди буржуазии той или другой местности.

Эти опасения были необоснованны и преувеличены. Не подлежит, однако, сомнению, что рабочий класс не мог удовлетвориться победой либерализма. И вскоре он заявил о себе, требуя улучшения своего положения. Начинается самостоятельное рабочее движение, создаются рабочие союзы. Был даже созван съезд немецких рабочих.

Пропаганда социализма, ведшаяся до 1848 г., не прошла бесследно. Из тогдашних вожakov рабочих многие в той или другой степени находились под ее влиянием.

Испуганная буржуазия перестала даже думать о решительной борьбе с реакцией. На удары правительств она отвечала лишь робким протестом, не решаясь перейти от слов к делу. И был ли для нее вообще возможен такой переход?

¹ Характерен следующий факт. Два берлинских работника поссорились с булочником из-за того, что он продавал слишком маленькие хлеба. Это событие тотчас же нашло отголосок в Собрании городских представителей (*Stadtverordneten Versammlung*), и один из его членов обратился к своим товарищам с предложением подумать о том, как «защитить булочников». Запрос подал повод к длинным дебатам, пока, наконец, один из членов не заметил, что имущие классы поступают слишком глупо, поднимая тревогу при каждом пустяке. (*Adler, Geschichte der ersten sozialpolitischen Arbeiterbewegung in Deutschland*, S. 159).

Чтобы победить реакцию, надо было вооружить народ и поддерживать в нем революционный подъем, а мы знаем, как буржуазия боялась революционных масс. Именно ее эгоистической политикой, ее трусостью и отсутствием решительности объясняется неуспех революционного движения в 1848 и 1849 гг.

Рабочие вели себя иначе. Везде, где они были организованы, они оказывали правительствам героическое сопротивление. Но это были лишь первые шаги рабочих на исторической арене, и силы их были далеко не достаточны.

Со своей стороны, реакция воспользовалась победой, отнимая, по словам Маркса, огонь и воду у рабочего класса, т. е. лишая его политических прав, свободы слова, собраний и союзов.

Торжество реакции продолжалось целых десять лет. Но и теперь, как в эпоху непосредственно после Венского конгресса, оно не могло остановить промышленного развития страны, которое делало огромные успехи, подрывая постепенно силы реакции.

«Глубоко потрясенная в своих основаниях Австрия, — говорит цитированный уже Ланге, — стремилась возродиться на основе промышленного прогресса... С лихорадочной поспешностью фон-Брук строил железные дороги; быстрой чередой следовали одни за другими договоры, спекуляции и финансовые мероприятия. Пришла очередь для частной деятельности. В Богемии возникали каменноугольные копи, заводы для обработки руды, железные дороги. В Южной Германии быстро росла хлопчатобумажная промышленность. В Саксонии в небывалом до сих пор масштабе развивались почти все отрасли металлической промышленности и обработки волокнистых веществ. В Пруссии с лихорадочным жаром взялись за горное и горнозаводское дело. Железо и уголь стали злобой дня. В Силезии, а еще более на Южном Рейне и в Вестфалии, старались сравняться с Англией. Не более как в десятилетний период времени добывание угля удвоилось в Саксонском королевстве и утроилось на Рейне и в Вестфалии; Силезия заняла среднее место между ними. Стоимость добытого железа удвоилась в Силезии и упятилась в западной части Прусской монархии. Общая стоимость продуктов горного дела и горнозаводской промышленности более чем утроилась. Железные дороги были приспособлены к массовой перевозке продуктов и были завалены работой. Развивалось также корабельное дело, а вывоз принял даже отчасти характер спекуляции. После падения парламента немецкому объединению старались содействовать единством мер и весов. Довольно характерно, что вексельное право было единственным остатком великого национального движения».¹

Новое столкновение между переживающей период процветания буржуазией и реакционным правительством становилось неизбежным, но без поддержки со стороны рабочего класса буржуазия не могла рассчитывать на успех, а между тем эта поддержка могла ей дорого обойтись. Вовлечение пролетариата в политическую борьбу могло легко разбудить дремлющее в нем пока стремление к независимости.

Как разрешить это противоречие? Надо было прежде всего убедить рабочих

¹ Lange, *ibid.*, S. 440 — 441.

в гармонии их интересов с интересами буржуазии. Если бы это удалось, тогда политическое движение рабочих не угрожало бы никакой опасностью. Экономическая гармония ведет за собой политическую солидарность. Буржуазия борется с реакцией в интересах рабочих, в интересах всего народа. Поэтому все рабочие и весь народ, ради своих собственных интересов, должен поддерживать буржуазию. А чтобы ее поддерживать, рабочим вовсе не надо того всеобщего избирательного права, которым временно пользовались в 1848 г. и о котором до тех пор еще не забыли некоторые немецкие «идеологи». Буржуазия так великодушна, что она охотно избавит рабочих от всех политических забот. Жертвуя своим временем ради блага народа, она пойдет в парламенты, займет важнейшие общественные должности. С ее богатством ей не страшен ценз, не опасны ограничения избирательных прав бедняков. От рабочих же требуется только одно: готовность ринуться на врагов буржуазии по первому ее знаку. Но и это крайность, до которой сами враги ее не захотят доводить дела. Для них достаточно одной угрозы. Но, чтобы угроза была действительна, нужно, опять-таки, полное доверие рабочих к их «естественным руководителям».

Немецким буржуазным ученым не понадобилось слишком много ума и изобретательности, чтобы создать теорию гармонии интересов капитала и труда. Они нашли ее в уже готовой форме в произведениях французских и английских экономистов, принадлежащих к школе вульгарной экономии. Следовало только перевести на немецкий язык утверждения иностранных авторов, лишь облекая их в плащ немецкого глубокомыслия. За эту работу взялась целая фаланга «ученых» вроде Макса Вирта, Принса Смита, Фаухера, Михаэлиса и Оппенгейма. Их поддерживали целые полчища полуученой, недоучившейся и совсем ничему не учившейся братии: газетчиков, публицистов, политических деятелей, промышленников и т. д. Сторонники Листа и так называемой исторической школы почти совершенно сошли со сцены. Вся нереакционная пресса была в руках «манчестерцев». Догматы вульгарной либеральной экономии проповедывались в Германии с рвением, которое вызвало бы восторг самого Сэя или Кобдена.

Все это вполне понятно, если принять во внимание уже указанное нами отношение немецкой буржуазии к рабочему классу. Вульгарная либеральная экономия, или так называемая манчестерская школа, поставила себе задачей доказать гармонию интересов труда и капитала.

Это стремление породило все разногласия между ней и классической школой Адама Смита, Рикардо и Сисмонди, все ее теории стоимости, капитала, рабочей платы и т. д. Существовало, однако, еще одно обстоятельство, которое в значительной степени способствовало распространению принципов «манчестерской школы» в Германии в конце пятидесятых и в начале шестидесятых годов. Никто не защищал с таким жаром принцип невмешательства государства в экономическую жизнь, как сторонники этой школы; никто с таким апостольским рвением не проповедывал теории свободы торговли, как английские манчестерцы. Правда, если бы речь шла о свободе международной торговли, то немецкая буржуазия скоро вспомнила бы своего «Лютера» — Листа. Но в описываемую эпоху предметом самых горячих споров был вопрос о свободе внутренних сношений, на которую никак не хотела согласиться реакционная партия. Буржуазии нужно было во что бы то ни стало добиться окончательной отмены цехов, свободы труда и

передвижения, а в этом случае принцип *laissez faire — laissez passer* был ей как нельзя более на руку.¹

Главным распространителем буржуазных теорий среди рабочих был Шульце из Делича, или, как его называли для краткости, Шульце-Делич.

Герман Шульце родился в 1808 г. и, следовательно, в описываемую эпоху был уже очень пожилым человеком. Общественно-экономические отношения обратили на себя его внимание еще во время революционных бурь 1848 г. Уже в следующем, 1849, году он основал первое рабочее товарищество в своем родном городе Деличе. Это была касса для больных со 136 членами. В 1850 г. там же устроено первое ссудное товарищество. Затем последовали так называемые сырьевые товарищества (*Rohstoffvereine*) в Деличе и Эйленбурге. До 1850 г. планы его были известны только небольшому кружку, но с этого времени начинается его писательская деятельность. Распространение учения Шульце-Делича было еще более облегчено тем, что он приобрел орган «*Die Innung der Zukunft*», начавший выходить в 1854 г. в виде приложения к немецкой ремесленной газете («*Deutsche Gewerbezeitung*»), а с 1861 г. превратившийся в самостоятельный ежемесячный журнал. Осенью 1858 г. Шульце отправился для пропаганды своих воззрений на международный благотворительный конгресс во Франкфурте-на-Майне. Само собой разумеется, что планы его очень заинтересовали буржуазных благотворителей. Но только в следующем году был заключен полный союз между ним и учеными представителями буржуазии на Готском конгрессе немецких экономистов. С этого времени начинается огромная известность Шульце-Делича. «Экономисты и литераторы превозносили его дома и за границей как великого победителя чудовищ и спасителя рабочих», — пишет о нем Р. Мейер в своей книге «*Emancipationskampf des vierten Standes*» (I. Band, 1. Abteilung, S. 179).

Число ассоциаций росло очень быстро, и уже в 1859 г. основан был «Союз немецких товариществ», во главе которого стал, разумеется, Шульце. В 1861 г. Шульце был выбран в прусский ландтаг депутатом от Берлина, и вскоре после этого проявления политического доверия он получил еще более веские доказательства «народной» благодарности. Политические друзья Шульце совместно с основанными им рабочими товариществами преподнесли ему сорок пять тысяч талеров, что обеспечило ему — по выражению Ланге — «милую независимость».

Таким образом, счастье улыбалось Шульце-Деличу: его влияние — а с ним и всей буржуазии — на рабочий класс было, повидимому, еще более прочно основано, чем «милая» его сердцу независимость в материальном отношении.

¹ Следующий пример может особенно ярко выявить причины преклонения немецкой буржуазии перед манчестерской школой. Около 1860 г. в Германии появился немецкий перевод «Принципов социальной науки» Кэри. В этих «Принципах» содержалось все то, к чему стремилась немецкая буржуазия: теория общности интересов труда и капитала, требование экономической свободы внутри страны и решительный отказ от свободы международной торговли. Французские и английские учителя были вскоре забыты, а Кэри объявлен великим реформатором науки. Какая ирония судьбы! Немцы хвастают своим научным беспристрастием, однако в общественных науках они никогда не умели и не сумеют подняться до научной объективности великих сынов Англии добрых старых времен. Исключение, конечно, составляет школа Маркса.

Буржуазная пресса с гордостью называла его «королем в социальной области» («König im sozialen Reich»).

Но нашему герою суждено было вскоре встретить грозного противника.

Однако, раньше чем перейти к этому столкновению, нам следует ближе рассмотреть, что представляли собою основанные им рабочие товарищества.

Он сам подразделял их на следующие виды:

1) Союзы самообразования.

2) Ссудные и кредитные товарищества, народные банки и т. п. организации, «удовлетворяющие нужды своих членов в деньгах и кредите».

3) Сырьевые товарищества, «в которые вступают ремесленники и работники данной отрасли для совместного приобретения оптом сырых материалов, а также машин и вообще дорогих рабочих снарядов».

4) Потребительные товарищества, «которые служат для оптовой закупки различных предметов потребления».

5) «Кассы для больных и санитарные союзы, в которых с меньшими затратами можно пользоваться медикаментами и медицинской помощью». ¹

К 3-й категории Шульце относил союзы двоякого характера:

а) Так называемые «складочные союзы» (Magazinvereine) для совместной продажи продуктов труда их членов; продуктов, производимых, однако, в собственных мастерских и продаваемых в магазине на их личный счет.

б) Производительные союзы в собственном смысле, в которых «производство и сбыт продуктов велись за счет и риск всей организации». ²

Все эти товарищества были основаны на принципе «самопомощи». В этом — их отличительный характер и тайна того сочувствия, с которым их приветствовала буржуазная пресса.

Экономические взгляды Шульце-Делича исключали всякую возможность не только разрешить, но хотя бы серьезно подойти к рабочему вопросу. Ибо как может встать такой вопрос при полной гармонии интересов труда и капитала? «Капитал, это — необходимое условие и верный помощник человека в производстве», — поучает рабочих Шульце. «Трудно понять поэтому, каким образом он мог бы быть силой, враждебной рабочему классу, благосостояние которого нельзя отделить от процветания труда вообще. А между тем некоторые (читай социалисты) стараются уверить в этом рабочих... Рост капитала обуславливает больший спрос на труд и лучшую заработную плату. И она действительно возрастает, если только работники не размножаются в еще большей прогрессии». Выслушав столь убедительные доводы, мог ли рабочий класс еще твердить о существовании какого-то особого, своего вопроса?

И хотя

Слова годны для всякой темы,
Из слов мы создаем системы,

рабочие на опыте убеждались, что жизнь их очень тяжела, несмотря на все возможные и невозможные гармонии.

¹ Schultze-Delitsch, Capitel zu einem deutschen Arbeiter-Katechismus, Leipzig, 1865, S. 126 — 127.

² Schultze, l. c., S. 35 — 37.

11 Летописи марксизма, I (XI).

Об этом знала вся буржуазия, об этом знал и Шульце-Делич. И вот, ради спасения рабочих от «социального безумия», им преподносили принцип «самопомощи». В четвертой главе своего «Рабочего катехизиса» Шульце разбирает «различные системы, имеющие то общее свойство, что они хотят облегчить положение рабочего класса посредством помощи извне, помимо его собственной силы». Само собой понятно, что Шульце решительно восстает против этих систем. «Что я не разделяю этих взглядов, вы знаете уже из прежних чтений, так как я с самого начала исходил из того положения, что человек получил от природы не только нужды, но также и силы, правильное употребление которых ведет к удовлетворению нужд».

При этих словах мы вспоминаем весьма наивное признание Эмиля де-Лавелэ. Прочитав в написанном Марксом уставе Международного товарищества, что «освобождение рабочих есть дело самих рабочих», многие полагали, — говорит он, — что в этих словах содержится идея самопомощи.

События показали, что Маркс вкладывал в них совершенно другое содержание. Все новейшее социалистическое движение держится на самопомощи, однако социалисты понимают ее совсем иначе, чем буржуазия. Они говорят рабочим: вы должны сами себе помочь путем уничтожения неудобных для вас общественных отношений. Если вы сами за это дело не возьметесь, то оно останется неразрешенным. Ваше освобождение должно быть вашим собственным делом. А представители буржуазии говорят рабочим: ваше освобождение должно быть вашим собственным делом, не требуйте ничего от государства (т. е. от господствующих классов, которые держат в своих руках государственную власть), помогите себе сами, не нарушая существующих экономических отношений. Желая убедить рабочих в возможности такой самопомощи, им внушают, что природа, наделяя человека различными нуждами, дает ему одновременно все средства для удовлетворения их. Достопочтенный Шульце забыл, или, скорее, боялся вспомнить, что перемена общественного строя была неоднократно самым действительным средством удовлетворения нужд граждан.

У Шульце был готов ответ на вопрос, каким образом рабочие могут сами себе помочь при имеющихся теперь у них экономических средствах. Вслед за другими буржуазными экономистами он призывал их к бережливости и воздержанию.

Путем бережливости и воздержания рабочие должны накопить денежные средства, необходимые для организации независимых торговых предприятий и для конкуренции с капиталистами.

Несостоятельность подобного рецепта очевидна, и фабричные рабочие, настоящие пролетарии, не могли долго увлекаться этой программой, которая все упования на лучшее будущее ставила в зависимость от непосильных для них сбережений. Но за Шульце шли главным образом ремесленники, мелкие самостоятельные производители, смотревшие на его кредитные и сырьевые товарищества как на некоторую поддержку в их тяжелой борьбе с крупным капиталом. Разумеется, эти товарищества не могли предотвратить развития крупной, а следовательно, и гибели мелкой промышленности, но все-таки они обещали временное

облегчение, и ремесленники охотно в них участвовали. В них была вся сила армии «самопомощи». Недаром орган Шульце-Делича носил характерное название «Die Innung der Zukunft».

Что касается обществ самопомощи, то они должны были служить главным средством для распространения между рабочими взглядов Шульце и вообще всей либеральной буржуазии.

Консервативный Мейер прекрасно определяет их значение. «В этих союзах, — говорит он, — цвет рабочего класса должен был получать такую дрессировку, чтобы буржуазия могла вербовать в его среде преданнейших унтер-офицеров и с их помощью усиливать свое влияние на массу». Не трудно догадаться, что рабочие не выносили оттуда ничего, кроме ничтожных доз самых отрывочных сведений. Им преподносили там «сегодня лекцию об Уланде, завтра о японском микадо, затем о спектральном анализе и т. п.». ¹

Систематически излагалось лишь учение об экономической гармонии.

Когда некоторые лейпцигские работники пожелали сделаться членами либерального «Национального союза» (Nationalverein), Шульце-Делич посоветовал им сберечь для домашних расходов те деньги, которые им пришлось бы затратить на членские взносы. В то же время Nationalverein провозгласил всех рабочих своими почетными членами. Это кажущееся бескорыстие вело за собой для рабочих нравственную обязанность поддерживать «союз», лишая их вместе с тем всякого решающего голоса в его делах. Буржуазия не довольствовалась тем, что рабочие шли за нею, отказываясь от независимой политической роли; ей нужно было превратить их в слепое и пассивное орудие в борьбе за достижение своих классовых целей.

Некоторое время эта лицемерная тактика прекрасно удавалась. Уже цитированный нами выше Мейер с негодованием консерватора жалуется, что либеральная буржуазия разыгрывала из себя единственную защитницу народных интересов и совершенно господствовала в городах. «Она терроризировала собрания других партий. Она расстраивала собрания консерваторов».

К счастью (конечно, рабочих, а не консерваторов мейеровского толка), в среде немецких рабочих находились люди, у которых, правда, еще не было ясной программы, но которые уже не удовлетворялись пустой болтовней либералов. ² Такие люди находились также и в Лейпцигском рабочем союзе.

Осенью 1862 г. Лейпцигский рабочий союз решил созвать конгресс для лучшего уяснения экономических и политических задач рабочего движения. Выбранный для созыва конгресса Центральный комитет вступил в сношения со многими рабочими обществами и с некоторыми отдельными лицами, почему-нибудь обратившими на себя его внимание. В числе этих лиц был и Фердинанд Лассаль.

11 февраля 1863 г. один из членов комитета, Отто Даммер, написал ему, от имени названного комитета, следующее письмо:

¹ Meyer, *ibid.*, SS. 180 — 184.

² Разрешаем себе обратить внимание читателей на то, что мы не имеем здесь в виду социалистов-ветеранов 1848 г. вроде Либкнехта, который вернулся в Германию в 1862 г. Такие люди знали, чего хотят, но они не пользовались сколько-нибудь серьезным влиянием среди рабочих.

Милостивый государь!

Ваша брошюра «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» встречена была здешними рабочими с величайшим сочувствием, и Центральный комитет высказался в вашем смысле в «Рабочей газете». ¹

В то же время с различных сторон высказываются очень серьезные сомнения в том, что рекомендуемые Шульце-Деличем товарищества могут оказать действительную помощь ничего не имеющей рабочей массе и надлежащим образом изменить ее положение в государстве. В № 6 «Рабочей газеты» Центральный комитет высказал свой взгляд на этот предмет. Он убежден, что при современных условиях названные товарищества не могут служить для этого действительным средством. Но так как идеи Шульце-Делича повсюду проповедаются как руководящие идеи рабочего сословия и так как, помимо указанных Шульце-Деличем, могут быть еще и другие пути для достижения нашей цели: улучшения положения рабочих в политическом, материальном и умственном отношениях, то Центральный комитет, в своем заседании 10 февраля текущего года, единогласно постановил: просить вас высказать в той или другой форме ваш взгляд на рабочее движение, на средства, которыми оно должно пользоваться, а в особенности на значение товариществ для беднейшего класса народа. Мы придаем большую цену взглядам, высказанным вами в вышеназванной брошюре и сумеем оценить ваши дальнейшие сообщения. В заключение мы просим вас по возможности скорее исполнить наше желание, так как нам очень хотелось бы придать более быстрый ход рабочему движению.

Примите и пр.

За Центральный комитет для созывания Всеобщего немецкого рабочего конгресса

Отто Даммер. ²

Лассаль не замедлил отозваться на это любезное приглашение. Уже в первых числах марта того же года появился его «Гласный ответ Центральному комитету» (Offenes Antwortschreiben), который он сам сравнивал с тезисами Лютера. В нем с удивительной яркостью выявлено экономическое убожество программы Шульце, равно как и политическое убожество всей либеральной буржуазии вообще.

Тем большее возмущение вызвал этот ответ среди читающих и пишущих представителей буржуазии всех оттенков. На дерзкого автора «Ответа» посыпался град нападок, порицаний и обвинений. Но он не дал запугать себя нападками, ни смутить софизмами. Его вторичный ответ был ужасным, смертельным ударом для его врагов; с него и началась знаменитая агитационная кампания 1863 — 1864 гг., составившая эпоху в истории немецкого рабочего движения.

Но кто же был Лассаль? Что писал он в брошюре, обратившей на него внимание лейпцигских рабочих и упомянутой в письме представителя «Центрального комитета»?

В следующих главах мы постараемся ответить на эти вопросы.

II

Фердинанд Лассаль родился 11 апреля 1825 г. в Бреславле, где отец его был богатым оптовым торговцем. Родители желали, чтобы единственный их сын посвятил себя торговой деятельности, и на шестнадцатом году его отдали в лейп-

¹ Орган, издававшийся либеральным Nationalverein'ом.

² Bernhard Becker, Geschichte der Arbeiteragitation Ferdinand Lassalle's, Braunschweig, 1874, S. 17 — 18.

цигскую коммерческую школу. Но их желаниям не суждено было сбыться. Директор школы скоро убедился, что из молодого Фердинанда «никогда не выйдет дельного торговца».

И действительно, его неудержимо влекло на другую, более широкую и более блестящую дорогу. Его горячая, богато одаренная натура не могла удовлетвориться прозой торговой конторы. Он с жадностью читал немецких классиков, увлекался Гейне и сам мечтал сделаться поэтом. Между тем, обязательные занятия шли плохо, с учителями происходили частые столкновения, и, наконец, Лассаль твердо решил оставить школу. Родителям пришлось уступить, и, таким образом, будущий агитатор снова вернулся в Бреславль, чтобы подготовиться к вступительному университетскому экзамену.

Прекрасно сдав этот экзамен, Лассаль записался на философский факультет Бреславльского университета, откуда перевелся впоследствии в Берлинский. Главными предметами его тогдашних занятий были — классическая филология и философия. Эти юношеские занятия имели огромное влияние на все направление его дальнейшей самостоятельной научной деятельности. Еще девятнадцатилетним студентом он закончил, в главных чертах, то исследование о философии Гераклита Темного, которое доставило ему впоследствии громкую известность в ученом мире. Точно так же уже в годы студенчества он основательно усвоил немецких философов, причем главным расположением его пользовался Гегель.

«В духовной организации Лассаля были черты, — говорит Брандес, — благодаря которым его сильно должна была привлекать гегелевская философия, безусловно господствовавшая во время его первой молодости, именно: его собственные диалектические способности и его стремление овладеть ключом, посредством которого он мог бы открыть себе путь к знанию и пониманию, составляющим силу. Что Лассаль особенно заинтересовался Гераклитом — это происходило, с одной стороны, от страстного желания взяться за решение такой трудной задачи, которая испугала бы другого,¹ а с другой стороны, восторженный поклонник Гегеля должен был испытывать особенное удовольствие в изложении философа, который, казалось ему, был предшественником самого Гегеля и который именно благодаря своей близости к современным философам остался до сих пор непонятым».²

Кроме того, нужно отметить еще следующее, упущенное Брандесом из виду, но очень важное обстоятельство. Горячий и талантливый студент, зачитывавшийся произведениями Гейне, очевидно был проникнут теми революционными стремлениями, которые, как мы видели в предыдущих главах, охватывали учащуюся молодежь тогдашней Германии. Но этот студент имел слишком глубокую натуру для того, чтобы довольствоваться простым, голым отрицанием; он должен был искать в науке и философии теоретического оправдания для своих революционных стремлений. Это оправдание давала философия Гегеля, переработанная и дополненная его учениками. Вот почему Лассаль сделался рьяным гегельянцем, подобно почти

¹ Гераклит еще в древности имел репутацию очень трудного писателя, отсюда его название — Темный.

² Georg Brandes, Ferdinand Lassale, SS. 34 — 35.

всем замечательным революционерам Германии (да и не одной Германии) сороковых годов.

В интересах дальнейшего изложения не бесполезно будет остановиться на вопросе о том, каким образом «реставраторская философия» (*Restaurationsphilosophie*) консервативного Гегеля могла стать базой для самых революционных теорий, известных когда-либо истории. Сам Гегель был глубоко убежден в том, что его система является лучшим оплотом против либеральных и революционных принципов. Но в этой философии заключалось роковое противоречие. С одной стороны, его усовершенствованный диалектический метод требовал изучения всех явлений, всех общественных отношений, всех взглядов и понятий в процессе их постепенного появления и исчезновения (*das Werden*). С этой точки зрения нет ничего вечного, ничего неизменного. «Все течет, все изменяется», как учил еще Гераклит, заслуживший такие похвалы со стороны Гегеля. Сама философия является лишь выражением духа своего времени и вследствие этого превращается в целый ряд систем, соответствующих историческому развитию человечества (*eine Reihe der Zeitphilosophien*). С другой стороны, Гегель считал, что его система является наивысшей, последней ступенью, на которую поднимается дух в своем стремлении к самопознанию.

Гегель утверждал также, что современный ему исторический период соответствует старости рода человеческого и поэтому он неспособен к дальнейшему прогрессивному развитию, к дальнейшим существенным переменам в понятиях людей и в общественных отношениях. Отсюда его убежденность в консервативном характере своей философии. Он считал, что ему первому удалось неопровержимо доказать разумность отношений в современных ему протестантских немецких государствах. Но его ученики (так называемая «левая» его школы) скоро заметили противоречие между методом и системой. В интересах первого они отказались от второй. Таким образом, гегелевская система должна была испытать на себе самой всю силу созданного ею критического оружия. От гегелевской метафизики вскоре не осталось и следа. «Абсолютный идеализм» учителя должен был уступить место решительному материализму учеников.¹ Немецкая философия пришла к тем же выводам, которые провозглашали французские философы XVIII века, но она пришла к ним уже обогащенная новым, значительным достижением. Французские материалисты не стремились понять историю, они были слишком поглощены борьбой с унаследованными от истории обычаями, понятиями и общественными отношениями. Они

¹ На первый взгляд такое развитие кажется непонятным, но оно вытекает из вполне монистического характера системы Гегеля. Стоило лишить ее идеалистической базы, и не оставалось ничего другого, как только заменить ее материалистической базой или вернуться к дуализму, противоречащему всему ее характеру. Вполне прав Роберт Флинт, когда делает по поводу Гегеля следующее замечание: «Система Гегеля, будучи наиболее развитой из всех идеалистических систем, может противопоставить материализму лишь самое слабое оружие». (См. «*Philosophy of history*», vol. I.. «*The philosophy of history in France and Germany*». Edinburgh and London, 1874, p. 503.) Главным и самым существенным недостатком «Истории материализма» Ланге является именно то, что она не обращает внимания на это сближение крайностей, на этот логический переход идеализма в материализм. Этот недостаток объясняется, впрочем, сильным предубеждением кантианца Ланге против Гегеля.

восставали против современных отношений во имя «вечных прав разума» и «естественных прав» общественного строя. Но называть желательные нам отношения «естественными» значит признаваться в неспособности понять и объяснить их историческую роль, следовательно и историческую необходимость. Материалистические последователи Гегеля избегли этой основной ошибки французской философии истекшего столетия.

Исходя из основного положения своего учителя — *was wirklich ist, das ist vernünftig* (все действительное — разумно) — они перестали смотреть на историю как на бессмысленную комбинацию «случайностей». Наоборот, они увидели в ней очень сложный процесс, «разумность» которого базируется на закономерности. Эта новая точка зрения обосновывает и объясняет равно все общественные отношения, как и взгляды отдельных личностей от самых отдаленных времен. В то же время она обосновывает и борьбу с этими взглядами и отношениями, борьбу, ведущую в конечном результате к революции, т. е. к замене сложившихся общественных форм другими.

Поэтому становится понятным, на каком основании мог, например, Фридрих Энгельс гордиться тем, что современный научный социализм берет свое начало не только из учения Сен-Симона и Фурье, но и из немецкой философии. Научный социализм был последним, но вместе с тем и самым великолепным плодом критической деятельности «гегельянской левой».

Все предыдущие социалистические школы не могли дать стремлениям пролетариата непоколебимой научной основы уже потому, что они сами ее не имели. Социалисты первой половины XIX века, говоря в общих чертах, исходили из учений французских материалистов о человеке, о развитии его характера и способностей. На этой общей основе строились уже отдельные, менее или более фантастические системы, носящие громкое звание науки, но не являющиеся научными по существу. Авторы этих систем, подобно своим предшественникам, материалистам XVIII века, ссылались не на действительную историческую необходимость, но на метафизическое понятие и догадки о том, каким должен быть лучший общественный строй.

А так как их доктрина была лишена сознательной связи с историческим развитием общественных отношений, то неудивительно, что и надежды их на будущее базировались на «убедительной» аргументации и на кажущейся важности произведенных «открытий», а вовсе не на дальнейшем ходе этого развития.

Они не искали тех общественных классов и слоев, которые, во имя неизбежной исторической необходимости, должны стать на почву социалистического переустройства общества, но обращались ко всем без различия, поощряя привилегированных к добровольному отказу от своих привилегий. В это время наступила реакция, как естественное последствие бурных движений конца прошедшего столетия, и почти всеобщее разочарование в надеждах и чаяниях, вызванных французской революцией.¹

¹ Это настроение проявляется, может быть, ярче всего в первых произведениях Фурье: «C'est pour l'honneur de la raison, qu'on surpasse tous les massacres, dont l'histoire a transmis le souvenir, — говорит он в «Avis aux civilisés», — c'est pour la douce égalité, c'est pour la tendre fraternité etc. etc».

Под влиянием этой реакции социалисты в большинстве случаев и думать не хотели об осуществлении своих теорий революционным путем и являлись сторонниками мирной программы. Немецкий коммунист портной Вильгельм Вейтлинг был исключением из этого почти общего правила. Вейтлинг был революционером и обращался исключительно к рабочему классу, однако его учение было настолько лишено всякой научной основы, что ни в коем случае не могло рассчитывать на более прочное влияние. Только люди, которые уже прошли школу научной диалектики, могли поставить социализм на необходимую научную почву. Этими людьми были Маркс и Энгельс. В 1844 г. начинают выходить в Париже, под редакцией Маркса и А. Руге, «*Deutsch-Französische Jahrbücher*», в которых мы находим (факт очень характерный для истории социализма) рядом с критикой гегелевской философии права, написанной Марксом, также «*Umrisse zu einer Kritik der National-Oekonomie*», принадлежащие перу Ф. Энгельса. В следующем году появилось произведение этого последнего под заголовком «*Die Lage der arbeitenden Klassen in England*», а за ним целый ряд других работ, которые заключали в себе все основные положения господствующей ныне теории социализма.

Эта теория не содержит подробных описаний будущего общественного строя, но она также свободна от ложного сентиментализма английских и французских утопистов. Она верит в правду слов Гераклита, что спор есть отец всего, и перед лицом классов старого общества ищет исходной точки для его развития и прогресса, думая и говоря не о том, что должно быть, но единственно о том, что было и будет согласно историческим законам. Она совершила переворот в понимании и объяснении исторических явлений, видя гарантию прогресса в фактах, о которых предшественники умели лишь говорить шумные фразы, произнося их с меньшим или большим талантом. Создание этой теории явилось новой эпохой в истории рабочего движения всех цивилизованных стран.

Короткое, правда, но исчерпывающее изложение теории Маркса и Энгельса содержится в «Манифесте Коммунистической партии» от 1848 г. Поэтому неверно утверждение, что, якобы, эта новая теория могла оказать влияние на Лассалья еще в его студенческие годы. Но, будучи левым гегельянцем, он должен был, несомненно, поплыть по ее логическому течению, которое вело непреодолимо в указанном нами направлении.

Пылкий демократ и талантливый ученый, Лассаль должен был, несомненно, еще тогда избрать ту великую цель, о которой он упоминает в своей речи «*Die Wissenschaft und die Arbeiter*».

Эта общая цель не сразу была применена к точно определенным практическим и теоретическим взглядам и стремлениям, которые у Лассалья никогда не достигали такой четкости, как у Маркса и Энгельса. Не обратив внимания на это обстоятельство, невозможно понять его литературной и агитационной деятельности.

Но вернемся к биографии великого агитатора.

Окончив университетский курс, Лассаль отправился в Париж, где продолжал работать над философией Гераклита. Там же он познакомился с Генрихом Гейне, этим Аристофаном XIX века, как справедливо называет его Брандес. Новейший Аристофан далеко не был, как известно, таким консерватором, как его греческий прототип. Он не только не осмелел молодого революционера в ка-

ком-либо сатирическом произведении, но всегда отзывался о нем с величайшим восторгом и удивлением.

В письме к Варнгагену фон-Энзе Гейне дает следующую характеристику Лассалья:

«Мой друг, господин Лассаль, обладает замечательнейшими дарованиями: с основательнейшей ученостью, с обширнейшими знаниями, с величайшей проницательностью, какую мне когда-либо приходилось встречать, с богатейшей способностью изложения он соединяет удивительную энергию и практическую ловкость, которые меня изумляют; и если его симпатия ко мне не пройдет, то я ожидаю от него самой деятельной поддержки. Во всяком случае, это соединение знания и способности к действию, таланта и характера было для меня отрадным явлением»...

Но не один Гейне восхищался Лассалем. Бек и Александр Гумбольдт пророчили этому чудо-юноше самую блестящую будущность.

Зимой 1844 — 1845 гг. Лассаль вернулся в Берлин с намерением занять кафедру доцента в тамошнем университете. Но здесь его ожидала встреча, оказавшая решительное влияние на весь дальнейший ход его жизни и подавшая повод к нескончаемым клеветам и нареканиям. Мы говорим об его встрече с графиней Гатцфельд.¹

Почти ни один биограф Лассалья не отказывал себе в удовольствии основательно обсудить вопрос о том, любил или не любил его герой графиню Гатцфельд. Аабберг, ничего не говоря прямо, многозначительно рисует красоту графини, глаза которой «сверкали блеском еще неугасшей страсти». Со своей стороны, мы не видим повода не верить тому, что говорит о своих отношениях к Гатцфельд сам Лассаль в письме к любимой девушке (С. Солнцевой, опубликовавшей свои воспоминания в «Вестнике Европы» за ноябрь 1877 г. Впоследствии эти воспоминания были переведены на немецкий и французский языки). Мы думаем, что он был слишком горд для того, чтобы унижаться до лжи в любовной «исповеди». Поэтому мы расскажем «дело Гатцфельд» на основании собственных показаний Лассалья.

«В январе 1846 г., — говорил он, — я познакомился в Берлине с графиней Гатцфельд... Насколько велико благородство ее души, насколько глубок ее ум, настолько же велико несчастье ее судьбы. Муж ее, он же двоюродный брат, граф Эдмонд Гатцфельд, ненавидел ее, мучил и преследовал такими недостойными способами, каких нельзя найти даже в самых неправдоподобных романах... Он заключал ее в своих горных замках, отказывал ей в докторатах и лекарствах во время ее болезней, вырывал у нее из рук, тайными похищениями, ее детей. Вся жизнь этой отважной женщины была лишь борьбой за детей, которых она постоянно возвращала себе и снова теряла. Много лет уже графиня умоляла на коленях своих родственников обратиться за помощью к суду. Но этого-то род-

¹ Дюринг в своей «Kritische Geschichte der National-Oekonomie und des Sozialismus» так говорит об этой встрече: «Ближайшей жизненной задачей, которую задал себе двадцатилетний юноша, было пристроиться к одной эмансипированной графине и ее процессу против мужа, причем он, однако, как теперь известно, не забыл деловых соображений и контрактом выговорил себе хороший куш в случае счастливого исхода процесса». (Стр. 497.)

ственники и не желали ни в каком случае, потому что избыток подлостей графа делал оглашение подобного процесса, по мнению родственников, невозможным.

«Можете ли вы, Софи, составить себе верное понятие о том впечатлении, которое произвела эта история на меня, горячего революционера, когда я выслушал ее, когда графиня дала мне неопровержимые доказательства фактов — в переписке с родными и в других бумагах. Я видел перед собой в лице одной индивидуальной жизни олицетворение всех неправд давно прошедшего жизненного строя; олицетворение всех злоупотреблений власти, силы и богатства, направленных против слабого; все нарушения наших общественных прав.

«И я сказал самому себе: да не будет сказано, что ты, зная все это, спокойно допустил задушить эту женщину, не придя ей на помощь. Если бы ты поступил так, то какое имел бы ты право упрекать других в подлости и эгоизме?»

Графиня с радостью приняла неожиданную помощь, и тогда Лассаль начал свой знаменитый процесс против ее мужа, который тянулся девять лет и послужил первым испытанием для громадной энергии Лассалья. Ему пришлось совершенно оставить все занятия и все свободные минуты отдать на изучение юриспруденции. «Я не изучал до того времени права, — говорит он — но зато теперь стал изучать его с бешенством. Продолжая вести процесс, я превращался в юриста; в несколько месяцев я сравнялся с адвокатами, а в два года, могу сказать, я превзошел их всех. Найдя большую поддержку во всей без исключения демократической прессе, я уничтожил графа в общественном мнении. Это была ежедневная борьба и борьба на смерть».

Но граф также не бездействовал. Его богатство и связи делали его страшным противником, а необдуманное поведение друзей Лассалья скоро привело этого последнего на скамью подсудимых.

Дело было так. Лассалю необходимо было «разыскать и подготовить юридические доказательства расточительной и развратной жизни графа, чтобы возбудить против него процесс о наложении запрещения за его расточительность и процесс о разводе». Между тем, именно в это время граф Гатцфельд сошелся с баронессой Мейендорф и, как оказалось по наведенным справкам, решил сделать ей дар, который лишил бы всяких средств младшего сына его Поля, состояние которого не было упрочено правами семейного майората. Лучшего доказательства расточительности нельзя было и придумать. Но как воспользоваться им, не имея в руках относящихся сюда юридических документов? Другу Лассалья, Оппенгейму, пришла мысль похитить этот документ у баронессы. Он приводит в исполнение эту «дикую мысль», но попадает в руки полиции; против него поднимают обвинение в краже, а Лассалья стараются выставить главным зачинщиком всего этого предприятия. 11 августа 1848 г. он появляется на скамье подсудимых перед кельнскими присяжными. «Я встретил более четырнадцати лжесвидетелей, купленных графом против меня, — говорит он в той же «исповеди» — ... В семидневных дебатах я изобличил постыдных лжесвидетелей, я смутил и уничтожил окончательно клевету неопровержимыми доказательствами, я раскрыл историю этого супружества, в последний день, в шестичасовой речи. Отбросив в сторону обвинение, направленное против меня, я заговорил о вражде между графом и графиней, отождествляя себя с их делом, и разбил окончательно графа и его сообщников».

Присяжные вынесли оправдательный приговор. Их решение вызвало целый поток радостных приветствий со стороны публики. Лассалья на руках вынесли из залы суда. Когда он приехал затем в Дюссельдорф, его «оглушили», как он выражается, сочувственные крики населения. Это была первая овация, которую народ сделал своему будущему трибуну. Оправданному Лассалью недолго, однако, пришлось оставаться на свободе.

В ноябре того же бурного 1848 г. прусское правительство предприняло, как известно, решительное наступление против Национального собрания, стремясь распустить его, чтобы, освободившись таким образом от народных представителей, получить возможность октроировать конституцию ради большего приспособления ее к собственным нуждам и к интересам феодально-аристократической партии. Доведенное до крайности Собрание вотировало отказ в податях (*Steuerverweigerung*), и правительству приходилось собирать их силой. Зная, что оно не остановится перед этим, демократы пытались организовать народ для вооруженного сопротивления. В этом духе Маркс, Шаппер и Шнейдер обнародовали воззвание в Кельне, в этом же духе действовал Лассаль в Дюссельдорфе и его окрестностях. Отсюда возник ряд судебных преследований против представителей рейнской демократии. Маркс, Шаппер и Шнейдер оказались вскоре на скамье обвиняемых в Кельне, а Лассаль был арестован 22 ноября в Дюссельдорфе, где против него выставили обвинение в «возбуждении граждан к вооруженному сопротивлению королевской власти».

Предварительное заключение тянулось целых пять месяцев, так что только 3 мая 1849 г. Лассаль предстал перед дюссельдорфскими присяжными. В свою защиту он произнес речь, которая навсегда останется одним из самых замечательных памятников политического красноречия XIX века. Это, бесспорно, лучшая из его речей... Читая ее, трудно себе представить, что она произнесена 23-летним юношей. Как в речах Демосфена, неотразимая логическая убедительность соединяется в ней с самым увлекательным красноречием. Но это красноречие не имеет ничего общего с риторикой. Слова не служат искусственным и преувеличенным выражением чувств оратора. Напротив, у читателя (а тем более это можно было сказать о слушателях) остается такое впечатление, будто оратор, несмотря на свое удивительное искусство, все-таки не мог выразить всей глубины своей ненависти к реакции и любви к свободе. В умении произвести такое впечатление заключается, быть может, вся тайна неподдельного красноречия. В этом случае слушатель дополняет недосказанное собственным душевным движением, а это значит, что оратор действует не только на его слух, но и на чувство.

Изложив непродолжительную историю прусского Национального собрания до ноябрьского *coup d'état* включительно, изблотив все контр-революционные козни правительства, заклеив все лицемерие реакционной политики, Лассаль как будто сам не может оторвать глаз от нарисованной им ненавистной картины. «Дальше, — восклицает он, — вложим глубже наши персты в раны еще теплого трупа родины. Пусть вид их зажжет святую патриотическую ненависть в наших сердцах. Не позабудем ничего, никогда, ни на минуту. Может ли сын забыть того, кто опозорил его мать? Эти ужасные воспоминания представляют собой все, что осталось нам от былой свободы, наши единственные кровавые реликвии.

Сохраним же бережно эти воспоминания, как прах замученных родителей, от которых единственным наследством остается клятва мести, произнесенная над их смертными останками». Затем, рассмотрев поведение демократии и показав всю законность его с точки зрения созданных революцией правовых отношений, он утверждает, что демократия обязана была поступать так, как она поступила. «Вооруженная защита закона, которому угрожает правительство, есть священнейшая обязанность, самое серьезное испытание гражданина». Он требует оправдания, но требует его в интересах политического достоинства самих присяжных, голос которых служит выражением общественной совести. Он знает, что ему ни в коем случае не уйти из рук мстительной реакции.

И действительно, в то время, когда его дело слушалось судом присяжных, прокуратура предъявила новое обвинение, отдавая его на этот раз в руки исправительной полиции (Correctionstribunal). Правительство прекрасно понимало, что сочувствие присяжных было на стороне революционеров, но что двойное обвинение удваивает шансы осуждения Лассалья.

Присяжные вынесли Лассалью оправдательный приговор. Они не решились обвинить этого человека, хотя он прямо заявил им, что «принадлежит к числу самых решительных сторонников социал-демократической республики». Но и на этот раз исправительная полиция сделала то, чего не захотели сделать присяжные. Лассаль был приговорен к шестимесячному тюремному заключению, которое отсидел зимой 1850 — 1851 г., но это не остановило дела против графа Гатцфельда. Лассаль вел его даже в то время, когда сидел в тюрьме. Наконец, «после долгих лет, после несказанных страданий», в августе 1854 г. оно окончилось мирным соглашением сторон.

«Наконец, я сломил этого знатного вельможу, — говорит неутомимый защитник графини. — Наконец, я держал его под ногами. Я продиктовал ему мир на условиях не только вполне унижительных для него, но и вполне его бесчестящих. Наконец, я освободил эту женщину от его власти и принудил его передать ей очень большую часть своего состояния».

Затишье, которое теперь наступило в жизни Лассалья, продолжается до момента, когда он вступает в борьбу в защиту рабочего класса от экономической и политической эксплуатации. В это время он работал, наслаждался жизнью, пережил не одно любовное приключение, много путешествовал, но не переставал зорко присматриваться ко всем проявлениям общественной жизни дома и за границей. В 1858 г. вышло его первое научное сочинение, над которым он работал еще будучи студентом: «Die Philosophie Herakleitos des Dunkeln von Ephesos. Nach einer neuen Sammlung seiner Bruchstücke und der Zeugnisse der Alten dargestellt». Оно сразу доставило автору славу в ученом мире и до сих пор считается важнейшим пособием при изучении «темного» эфесского мыслителя. Многие современные историки философии (Ибервег, Целлер) упрекают Лассалья в том, что он слишком в нем увлекся «гегельянством», вследствие чего его портрет Гераклита не вполне отвечает действительности. Не задерживаясь над этим специальным вопросом, заметим только, что эти историки слишком мало подчеркивают диалектический характер греческой философии.

Что касается общих взглядов Лассалья, то мы ограничимся здесь приведением его мнения, согласно которому мысль является лишь «продуктом истории»,

а история философии — «отражением непрерывного процесса самобытного развития» мысли. В этих нескольких словах заключаются почти все качества и недостатки философских взглядов автора. Если мы будем считать мысль «продуктом истории», то тем более таким «продуктом» будут все учреждения гражданского и публичного права, а равно и общественные отношения. История уничтожает собственные творения, которые уступают место новым «продуктам» ее развития.

Какими детскими кажутся с этой точки зрения все стремления буржуазных экономистов и юристов к приданию некоторым общественным учреждениям вечного и неизменного характера. Лассаль систематически развивал это свое мнение в своих позднейших трудах, как, напр., в брошюре «Ueber Verfassungswesen» и в сочинении «Herr Bastiat-Schultze von Delitisch, der ökonomische Julian, oder Kapital und Arbeit». Для него экономическое, равно как и политическое общественное устройство является лишь преходящим и изменчивым результатом движения истории. А с другой стороны, говоря в приведенном нами отрывке из «Гераклита» о «самобытности развития мысли», Лассаль как будто предполагает, что оно совершается согласно особым логическим законам независимо от влияния реальной общественной и естественной среды. Субъективная логика человеческого разума ставится, таким образом, наряду с объективной логикой истории общественных отношений. Такое понимание возможно лишь в идеалистической философии, согласно которой мысль может быть продуктом своей собственной истории, а не истории общества, якобы ею направляемой и руководимой.

Не таково мировоззрение той школы, к которой — по крайней мере отчасти — принадлежал сам Лассаль, т. е. школы, применяющей метод Гегеля, но освободившейся от его метафизики. По ее мнению «das Ideelle ist nichts anderes, als das im Menschenkopfumgesetzte und uebersetzte Materielle (Маркс); «развитие мысли соответствует ходу событий», как говорит один из величайших философов XVIII столетия. Но в таком случае история философии не является уже «отображением непрерывного процесса самобытного развития мысли», но становится отображением постепенного развития человеческой мысли под влиянием непрерывного процесса общественного развития, а это уже совсем не то же самое. В данном случае Лассаль остался значительно позади Маркса, у которого уже сложился вполне последовательный материалистический взгляд на историю человечества. Философ наш, хотя и порвал со старой идеалистической метафизикой, но не сумел целиком высвободиться из-под ее влияния. Это объясняет нам как идеалистический характер его понимания права, о чем поговорим ниже, так и его выводы о значении немецкого «национального духа», которые имеются в его речи о философии Фихте, а иногда и в агитационных произведениях.

III.

За «Гераклитом» последовал «Франц фон-Зиккинген», за философским очерком — историческая драма; она не обладает большими художественными достоинствами, но, несмотря на это, представляет собой, по словам Брандеса, «богатеиший рудник для всякого, кто бы захотел изучить психологию автора». Тесные рамки настоящей статьи не дают, к сожалению, возможности тщательно

проэксплоатировать этот «рудник», и мы ограничимся лишь приведением следующего диалога между Ульрихом фон-Гуттенем и Эколампадиусом.

Последний пытается убедить Гуттена, что «свет правды и разум восторжествуют независимо от революционных действий своих сторонников». «Почему вы желаете, — говорит он далее, — обесславить своим кровавым мечом наш принцип любви». Гуттен отвечает на это следующими, заслуживающими внимания, словами:

«Напрасно вы так плохо думаете о мече, — восклицает он, — меч, обнаженный в защиту свободы, есть именно то воплощенное слово, тот сошедший на землю бог, о котором вы говорите в своих проповедях. Мечом распространялось христианство, мечом крестил Германию Карл, поныне называемый нами Великим. Мечом низвергнуто язычество, мечом освобожден гроб Спасителя. Мечом изгнан из Рима Тарквиний, мечом удален из Эллады Ксеркс, спасены наука и искусство. Мечом сражались Давид, Самсон и Гедеон. Мечом было совершено все великое в истории, и, в конце концов, ему же будет она обязана всеми великими событиями, которые когда-либо в ней совершатся» (III. Akt. 3. Auftritt).

Сам Лассаль признавал отсутствие художественных достоинств в своей драме. «Мне не хватает именно поэтического воображения, — говорил он Фрейлиграту. — Мое произведение в гораздо большей степени представляет собой продукт революционного стремления к действию, чем поэтического дарования, и каждая драма, которую я бы еще написал, была бы тем же самым, лишь в другой форме и с другим названием».

Спустя не более года после выхода в свет «Франца фон-Зиккингена» политические события снова показали, какую важную роль играет «меч» в истории развития народов. Началась итальянская война. Так как Наполеон III выступил на защиту Пьемонта против Австрии, то часть прусской демократической прессы, из ненависти к герою 2 декабря и во имя немецкого национального чувства, высказалась за войну Пруссии против Франции. Лассаль написал брошюру «Der italienische Krieg und die Aufgabe Preussens», в которой высказал иной взгляд на этот вопрос. По его мнению, помогать Австрии значило бы поддерживать реакцию. Притом же помогать ей нельзя было бы иначе, как путем угнетения Италии, путем борьбы против ее стремлений к единству и независимости. Демократия не может сочувствовать такой борьбе. «Демократический принцип основан на принципе свободных национальностей. Без него он лишается всякой опоры. Национальный же принцип вытекает из права народного духа на свое собственное историческое развитие и самоосуществление».¹ Поэтому немецкая демократия должна думать не о подавлении итальянской национальности, а об единстве немецкого народа. Но в этом случае ее стремления совпадают с правильно понятыми интересами прусского правительства. Обстоятельства сложились очень благоприятно для этого последнего. «Если бы теперь на прусском троне сидел Фридрих Великий, то можно почти с уверенностью сказать, какой политике он стал бы следовать. Он понял бы, что

¹ Лассаль признает только одно ограничение этого общего правила: именно, оно неприменимо к тем народам, «которые не могли собственными силами дойти до исторического существования», или к тем, которые останавливаются в своем развитии и дают повод более прогрессивным соседям «овладевать некоторыми частями их территории и ассимилировать их, к собственному удовольствию этих частей».

пришло, наконец, время дать выход стремлению немцев к единству... Он считал бы это время самым благоприятным для того, чтобы вторгнуться в Австрию, провозгласить Германскую империю». Но так как нельзя от каждого данного правительства требовать, чтобы оно обладало энергией Фридриха Великого, то Лассаль желает, по крайней мере, чтобы Пруссия заговорила таким языком:

«На основании принципа национальностей Наполеон переделывает карту Европы на юге; прекрасно, — мы сделаем то же самое на севере. Наполеон освобождает Италию; очень хорошо, — мы возьмем Шлезвиг-Гольштинию».

Он думает, что только такая политика могла бы еще показать способность монархии к какому-нибудь «национальному подвигу». Он уверяет прусское правительство, что в войне за Шлезвиг-Гольштинию «немецкая демократия несла бы прусское знамя и уничтожала бы перед ним все препятствия с силой, которую способен породить лишь опьяняющий взрыв национальной страсти, подавляемой в течение пятидесяти лет, но не перестававшей согревать сердце великого народа».

Такое обращение к прусской монархии странно поражает в устах человека, который несколько лет спустя упрекал партию прогрессистов в том, что она «вынуждена своим догматом прусской гегемонии видеть в прусском правительстве мессию германского возрождения, тогда как нет ни одного немецкого правительства, не исключая гессенского, которое в политическом отношении стояло бы позади прусского, и, наоборот, нет почти ни одного немецкого правительства, не исключая австрийского, которое не шло бы впереди прусского».

Это, бесспорно, — вопиющее противоречие, которое можно объяснить лишь тем, что до момента, когда Лассаль писал свой «Гласный ответ лейпцигскому Центральному комитету», из которого мы и привели последнюю выдержку, у него было достаточно времени, чтобы разочароваться в способности прусской монархии к «национальному подвигу». Уже в статье «Fichte's politisches Vermächtnis und die neueste Gegenwart», написанной в январе 1860 г., сам Лассаль, приведя пожелание Фихте относительно того, чтобы прусский король явился революционным воспитателем Германии в духе свободы и единства, прибавляет:

«О, если бы король совершил этот подвиг! — так восклицает вот уже пятьдесят лет, то надеясь, то жалуясь, то раздражаясь, то снова надеясь, немецкий народ в своей политической пустыне, и только равнодушное эхо отвечает ему его собственным голосом, отражаясь от холодных скал. Увы, немецкий народ находится в положении гейневского юноши:

Холодные звезды бесстрастно блещут,
И только глупцы ожидают ответа.

Гейневский «юноша», обращающийся к немим звездам, никого не удивляет, ибо он является лишь поэтическим образом, но другое дело, когда речь идет о демократе, обращающемся к реакционному правительству. Правда, Пруссия выступила в конце концов в роли объединительницы Германии, что дало повод к восхвалению политического предвидения Лассаля, но нельзя, однако, забывать о следующих обстоятельствах; во-первых, Лассаль не всегда верил в объединительную миссию Пруссии; во-вторых, он добивался введения в общегерманский Союз немецких владений Австрии, считая так называемую мало-немецкую про-

грамму (*Kleindeutschtum*), исключаящую их из Союза, «изменой национальному делу» (см. его письма к Родбертусу, изданные А. Вагнером); в-третьих, как заклятый враг федерализма, Лассаль считал бы несомненно, что современная нам немецкая монархия дает слишком большой простор ненавистному ему принципу (см. указанные письма к Родбертусу).

На этом основании мы можем смело утверждать, что объединение, о котором мечтал Лассаль и во имя которого обещал прусскому правительству поддержку демократии, осталось мечтой, и притом вредной мечтой, так как она покоилась на двух непримиримых элементах: реакционной монархии и демократии. Лассалю же нужно было не только национальное единство, но и воспитание в духе свободы, по словам Фихте, т. е., говоря проще, политическое равенство; а события доказали, что это совсем не входило в прусскую педагогическую систему. Конечно, объединенной Германии легче добиться свободы, и в этом смысле даже императорско-королевско-прусское объединение является шагом вперед сравнительно с тем, что было прежде; но ничто не может помешать освобождению немецкого народа больше, чем вера в прогрессивную миссию прусской монархии, а нельзя не признать, что постановка вопроса Лассалем в 1859 г. могла значительно способствовать упрочению этой веры. И сейчас еще она неоднократно проскальзывает в речах немецких социал-демократов, которые раньше принадлежали к фракции Лассалья.

Появление брошюры «*Der italienische Krieg*» совпало с началом общего возбуждения в Германии. Глубокая ночь реакции приходила к концу, уступая место серенькому дню либерализма. Прусский король Фридрих-Вильгельм IV закончил свою реакционную карьеру решительным умопомешательством. Еще в октябре 1858 г. Вильгельм, принц прусский, был назначен регентом, и началась так называемая «новая эра», характеристика которой не входит в рамки настоящей статьи.

Если «Философия Гераклита Темного» дала Лассалю право на звание ученого, то слава его упрочилась еще более после появления его нового сочинения: «*System der erworbenen Rechte. Eine Versöhnung des positiven Rechts und der Rechtsphilosophie*». Целью этого сочинения было примирение положительного законодательства с философией права.

Юристы так давно твердят, что закон не обладает силой обратного действия, что утверждение это стало уже трюизмом; однако историческая практика издавна противоречит этому. Если имеет место случай из области уголовного права, то, по общему мнению, совершается ужасная жестокость, являющаяся прискорбным исключением из общего правила. Иначе обстоит, однако, дело в области положительного вещного права. Общественное развитие часто приводит здесь к упрощению прав, приобретенных на основании существующего законодательства, но которые не должны были бы подвергаться обратному действию закона, нормирующего будущие правовые отношения. Достаточно вспомнить историю реформации или Великой французской революции. Но как объяснить это противоречие, как примирить догму закона с историческим опытом?

Ответ на этот вопрос дает первый том сочинения Лассалья под заголовком «*Die Theorie der erworbenen Rechte und der Collision der Gesetze*». Исходным пунктом Лассалья является анализ понятия обратного действия закона.

«Законы представляют некое духовное содержание, новые законы — вновь обретенное, и даже провозглашенное обществом как обязательное, содержание разума. Как зажженный свет освещает все, даже бывшее прежде темным, так всякое новое умственное состояние индивидуума воздействует на все объекты оценки, как бы давно они ни исчезли. Значит, если даже в случае умственной деятельности индивидуума дело обстоит и должно обстоять так, что он оценивает с точки зрения наличной природы своего сознания и явления далекого прошлого, то почему должно быть иначе в области права, в отношении коллективного разума общества, того содержания разума, которое оно же само объявляет обязательным, — тем более, что в понятии закона содержится требование его немедленного и непосредственного применения, его безусловного, нормативного значения для всякого сознания?»

Подходя к данному вопросу с этой точки зрения, мы приходим к убеждению, что никакой закон не должен обладать обратным действием единственно потому и постольку, поскольку оно является «посягательством на свободу и способность человека к законному действию». В обществе человек должен быть свободен. «...Даже преступник, подвергающийся наказанию, рассматривается как независимое и внутренне свободное существо, ибо он знал, какое наказание угрожает ему за его преступление, а если он, тем не менее, совершил его, следовательно он путем внутренне свободного выбора подчинился этим известным ему последствиям».

Поэтому нации, которые не постигли еще понятия об индивидуальной свободе личности, как, например, китайцы или даже древние евреи, придают без колебаний своим законам силу обратного действия. А с другой стороны, все цивилизованные нации должны по тем же причинам препятствовать принципу обратного действия закона только в тех случаях, когда он является нарушением индивидуальной свободы.

Во всех других случаях он должен быть не только допустимым, но даже обязательным.

Эту мысль Лассаль формулирует следующим образом:

«Никакой закон не может обладать силой обратного действия, если он касается личности только через посредство произвольных актов ее воли.

«Каждый закон может обладать силой обратного действия, если он касается личности без посредства таких свободных актов ее воли, если, следовательно, он касается личности непосредственно в ее произвольных, общечеловеческих или естественных или от общества полученных ею свойствах, или если он касается ее не прямо, а только тем путем, что изменяет самое общество в его органических учреждениях».

Чтобы объяснить эту мысль, возьмем пример, приведенный самим автором. Допустим, что закон повышает возраст совершеннолетия с 21 года до 25 лет; тогда все лица, находящиеся в возрасте 24 лет и уже пользующиеся всеми полномочиями, соединенными с совершеннолетием, теряют их, но это отнюдь не относится к тем, кто уже пользовался правами совершеннолетия на основании предыдущего законодательства.

«Но все правомочные действия, совершенные этими лицами в силу их прежнего совершеннолетия, и сейчас сохраняют перед лицом права все свое действи-

тельное значение, ибо в противном случае их волевые акты подверглись бы насилью и уничтожению. Индивидуум и приобретенные им права не могут ставить препятствий развитию и осуществлению правосознания нации.

«Единственный источник права есть общее сознание всего народа — всеобщий дух. Со времени Гегеля эта идея теоретически считается столь твердо установленной, что нет нужды приводить в ее защиту какие-либо новые доказательства. Стремиться приобрести какое-нибудь право и вместе с тем желать сохранить его за собой и на то время, когда всеобщее сознание уже перестает считать его допустимым и дозволительным правом, это значит одновременно, единым разом, и утверждать, и отвергать, и провозглашать, и отрицать тот принцип права, который служит основой всех приобретенных прав, именно — единение со всеобщим сознанием». «Таким образом, для индивидуума нет возможности нигде, ни на одном пункте территории права, водрузить знамя своего господства и объявить себя здесь самодержавным на все времена и относительно всех будущих принудительных или запретительных законов... Это равносильно тому, если бы кто-нибудь, вонзив древко в какой-нибудь точке земного шара, стремился сохранить его неподвижным в то самое время, как весь земной шар, к которому прикреплено это древко, находится в вечном движении»...

На первый взгляд это противоречит вышеприведенной формуле. Закон не должен обладать силой обратного действия, если он касается индивидуума лишь в области его волевых актов. А в чем, спрашиваем, найдет свое проявление свобода действия индивидуума, если не в приобретении или в потере некоторых прав? Индивидуум может через посредство договора обеспечить для себя или для других лиц какие-либо права, «если и поскольку это разрешается существующими законами»; «каждое лицо может себе и другим обеспечить какие-либо права лишь постольку и лишь на столь продолжительное время, поскольку и как долго существующие в каждый данный момент законы рассматривают эти права со стороны их содержания, как дозволенные, ... в каждом договорном акте с самого начала мыслится молчаливо подразумеваемая в нем оговорка, что выговоренное в этом акте для себя или для других лиц право должно обладать действительной силой лишь до тех пор, пока законодательство вообще будет рассматривать такое право как допустимое» (стр. 164). И если Сталь неправ, то, может быть, прав Савиньи; если общество может упразднить устаревшие «приобретенные» права, то не должно ли оно наградить собственников, выкупая их? Лассаль отвечает на это отрицательно. «Здесь нет вообще ничего, что следовало бы вознаграждать. Здесь у личности вообще ровно ничего не отнимается, ничего такого, что, как при экспроприации, можно было бы признать ее правомерной собственностью. Признавать здесь, тем не менее, право на вознаграждение, т. е. признавать его там, где отчуждаемое право, по своему содержанию, является уже перед лицом общественного самосознания как право запрещенное, т. е. находящееся в противоречии с правом, — это, рассуждая логически, значило бы не что иное, как одарять целые классы лиц или отдельных индивидуумов правом возлагать на общественный дух особую дань за его дальнейшее развитие; следовательно, такое признание вынуждало бы предполагать, что общественный дух с этими классами лиц

или отдельными индивидуумами связан отношением вассально-податной зависимости». ¹

По мнению нашего автора, история права это, — цепь ограничений, налагаемых на частную собственность.

«Как ни парадоксальным на первый взгляд может показаться это утверждение, однако, в общем, культурно-исторический процесс всей истории права состоит именно в том, чтобы все более ограничивать сферу собственности личности, чтобы все большее количество объектов выводить из сферы частной собственности. И если бы нужно было писать историю права с культурно-исторической точки зрения, то эта идея должна была бы служить одной из самых главных руководящих идей произведения.

«Разумеется, еще ни разу не делалось такой попытки. Обычно исследователи сами закрывали себе верную дорогу, поскольку, не проникая в истинную сущность вещей, позволяли обмануть себя диалектическими свойствами того или иного отдельного понятия. Так, например, упразднение фидеикомиссов всегда рассматривалось как расширение свободы собственности, как уничтожение ограничивающих ее институтов. Но таковым оно фактически является и таковым действительно представляется лишь для тех, для которых это уничтожение фидеикомиссов желательно с точки зрения их собственных интересов. На самом деле, упразднение фидеикомиссов является, как мы уже говорили раньше, уничтожением свободы собственника распоряжаться своей собственностью, давать ей то или иное определенное назначение, следовательно оно, в конце концов, ограничивает право собственности».

Свобода конкуренций не является, также, как принято считать, неограниченной свободой собственности, но отрицанием всякого исключительного права отдельных личностей или обществ (цехов) на занятие промыслами и торговлей определенными предметами. В настоящее время история ставит перед цивилизованными нациями две чрезвычайно важные проблемы: «В политическом отношении Европа стоит перед задачей — уничтожить такие условия, при которых общественная воля нации может находиться в собственности одной фамилии. В социальном отношении мир стоит сейчас перед вопросом, может ли наше время, не признающее более никакой собственности на право непосредственной эксплуатации другого человека, мириться с таким правом на его эксплуатацию в косвенной форме, т. е., глубже выражая эту мысль, должно ли свободное проявление и развитие собственной рабочей энергии находиться в исключительной частной собственности того лица, которое владеет субстратом труда и необходимым для его проявления капиталом; должно ли, иначе говоря, предпринимателю как таковому (оставляя в стороне вопрос о вознаграждении его за духовный труд) принадлежать право собственности на стоимость, создаваемую чужим трудом?»

Если юридические учреждения являются продуктом исторического развития правового сознания данной нации, то они должны отражать все особенности этого сознания. Второй том «Системы приобретенных прав» наглядно объясняет эту мысль. Автор рассматривает в нем «сущность» римского и немецкого права о

¹ Ibid, стр. 189.

наследовании, указывая отличительные особенности каждого из них. Но мы не можем здесь останавливаться на этом.

Изложив основное произведение Лассалья, мы должны добавить в заключение, что оно содержит в себе все качества и недостатки, свойственные его взглядам на историю. Он не признает «вечных» и неизменных юридических категорий.

«Естественное право является само по себе историческим правом, исторической категорией и категорией исторического развития, и оно должно им являться, ибо сам дух есть лишь «процесс становления» в истории».

Эта точка зрения представляла значительный прогресс по сравнению с метафизическими взглядами большинства юристов. Лассаль, однако, заимствуя ее у Гегеля, не вносит в нее необходимой поправки, так как он не ставит вопроса о том, в чем заключается основная причина исторического развития общественных учреждений, или, точнее, ищет ее, как и Гегель, в самобытном развитии понятий.

Понятие является для него источником всех юридических, политических и экономических отношений. Этот взгляд, свойственный идеалистической системе Гегеля, согласно которой природа и история представляют результат диалектического развития духа, является совсем неуместным в доктрине, порвавшей с метафизикой Гегеля, позаимствовав у него только метод.

Единственным выходом было — стать на прочной почве материалистического учения Маркса.

В противном случае диалектический метод теряет почти все свое значение, так как исходной его точкой является монизм.

Этот метод, хотя и мирится с «абсолютным идеализмом», но оказывает чрезвычайные услуги последовательному материализму. Однако он несовместим ни с дуализмом, ни с эклектизмом, который не умеет установить основной, руководящей идеи для своего мировоззрения, колеблясь вечно между идеализмом и материализмом, между Гегелем и Марксом.¹

Мы не упрекаем Лассалья в эклектизме, к которому он не проявил ни малейшей склонности. Но так как его взгляды отражали переходное состояние философии Гегеля, то они неизбежно заключали в себе некоторые недостатки, свойственные всяким переходным периодам.

Говоря о взглядах на отдельные вопросы, мы остановимся лишь несколько на его схеме истории частной собственности, односторонность которой теперь уже очевидна. Историю частной собственности нельзя сводить лишь к постепенному ограничению сферы ее действия. В первобытном обществе мы видим, наоборот, совсем другое. Эти общества начинают с коммунизма, сфера частной собственности относится лишь к незначительным мелочам. В течение долгих лет прогрессивное движение такого общества направлено на расширение сферы частной собственности, и только уже на очень высокой ступени проявляется указанное Лассалем стремление к ее ограничению.

¹ Вышеприведенный взгляд может показаться парадоксом, но мы все же утверждаем, что существуют лишь две монистические системы: идеалистическая Гегеля и материалистическая Маркса. Все другие заражены неизлечимым дуализмом или же являются одной из фаз в развитии двух первых. Доказать это не трудно, и такая задача могла бы стать темой очень интересного историко-философского исследования.

Кроме «Системы приобретенных прав», Лассаль собирался написать еще «Философию духа», но характер бойца жаждал борьбы, и, за неимением поводов для политической агитации, он увлекся литературной полемикой. Уже в 1862 г. появилась его, полная знания, остроумия и сарказма, брошюра «Herr Julian Schmidt, der Literaturhistoriker, mit Setzerscholien herausgegeben». Эта брошюра была первым нападением на героев и литературных руководителей немецкой буржуазии.

Чтобы дать понятие о полемических приемах Лассалья, мы приведем одно место из его брошюры. В своей «Geschichte der deutschen Literatur» Юлиан Шмидт говорит о веке семи мудрецов, отличительной чертой которого было стремление к открытию тайны мироздания; ее искали или в одной из элементарных форм материи, или в атоме, числе, в движении, в бытии и т. д.

Фиктивный наборщик Лассалья добавляет по этому поводу следующее примечание:

«Атом признан первопричиной Левкиппом и Демокритом, число — Пифагором, бытие — элеатами, «становление» (das Werden) — Гераклитом.

«Этих мужей считает г. Юлиан Шмидт известными семью греческими мудрецами (Солон, Биас из Приены, Питтак из Миталены, Клеовул, Хейлон, Мисон и Фалес). Века семи мудрецов, г. Шмидт, «не углублялся еще» в тайну мироздания. Его мудрость заключается в гномической мудрости жизни, в практических, понятных моральных притчах, содержание которых и теперь заслуживает внимания, г. Шмидт, например: «Лучше убыток, чем срам», или «Обуздай свои уста», которые вы могли прочесть в сборниках Стобея и Диогена, но эта мудрость не имеет ничего общего с ионической философией природы или с пифагорейскими-метафизическими спекуляциями. Один ученик III класса, который научил меня этой мудрости и который сам почерпнул ее из своего учебника для высших классов гимназии, смеялся до слез над тем, как Вы спутали «семь мудрецов» с основателями философии: Демокритом, Пифагором, элеатами, Гераклитом».

Резкий тон критики Лассалья «оттолкнул» от него многих, но привел к желанной цели: авторитет Шмидта был уничтожен, и его поклонники превратились в его суровых критиков.

После ниспровержения идола буржуазной литературы Лассаль приступил к критике экономических действий буржуазии. Так называемый «военный конфликт» между прусской палатой и правительством открывал широкое поле для его нападок. В течение трех лет (1861 — 1864) либеральная палата отказывалась утвердить бюджет, и тем не менее в течение всего этого времени министерство Бисмарка, Роона, Эйленбурга и др. взыскивало налоги, явно попирая основные права ответственной власти. Либералы (Fortschrittspartei, как они тогда назывались) удовлетворялись парламентским протестом, рассуждали о «законном государстве», но не думали перейти от слов к действию. Указанная нами в начале этой статьи причина политического бессилия буржуазии относится не только к Пруссии, но ко всей Германии. Прусская буржуазия пугала Бисмарка народом, но она боялась его больше, чем он сам, и даже больше, чем его самого.

В самый разгар «военного конфликта», когда все общество интересовалось вопросами конституции, Лассаль выступил на собрании берлинских бюргеров с речами «О сущности конституции». Отдавая дань «самобытному развитию

понятий» вообще, а юридических в особенности, он доказывает, что политический строй каждой страны обуславливается существующими отношениями различных общественных слоев. С изменением этих отношений изменяется и политическое устройство, старая конституция превращается в негодный клочок бумаги, и пишется новая. Изменения же этих отношений вызываются экономическими переменами в условиях производства и обмена богатств.

«Так, например, в средние века земля была главным источником национального богатства, и землевладельческая аристократия, естественно, являлась господствующим сословием. Возрастание городского населения, не зависящего от дворянства, интересы которого даже противоположны его интересам, служит на пользу государю..., горожане и промыслы, сильно терпящие от непрерывных дворянских усобиц, должны желать гражданского спокойствия и безопасности, правильного правосудия в стране в интересах торговли и производства. — поэтому они охотно поддерживают государя деньгами и людьми; на их субсидии государь может, как только ему понадобится, собрать порядочную военную силу, далеко превосходящую силы дворянства».

Итак, мы видим, что с переменой реальных отношений сил изменился также политический строй Европы, возникла абсолютная монархия. Это не все. «Но промышленность и ремесла развиваются все более и более, с их процветанием население все возрастает и возрастает... Рука об руку с этим развитием населения... также сильно развиваются науки и образование общественного сознания... Граждане начинают рассуждать так: мы не хотим долее быть управляемой массой, не имеющей собственной воли; мы хотим сами владеть властью, и надо, чтобы государь управлял нами и заведывал нашими делами лишь так, как мы сами хотим. Короче сказать, господа, реальные фактические отношения сил, существующие в стране, опять изменились. Другими словами: в обществе наступило 18-ое марта 1848 года».

Отсюда ясно, какие условия нужны, чтобы писанная конституция была хороша и прочна.

Для этого необходимо одно условие: «... чтобы писанная конституция соответствовала действительной, т. е. реальным отношениям сил, существующим в стране. Как только писанная конституция не соответствует действительной, между ними происходит столкновение, которого ничем нельзя предупредить и в котором писанная конституция, листок бумаги, неизбежно побеждается действительной конституцией, действительными отношениями сил, существующими в стране».

Переходя к вопросу о стоящем в порядке дня нарушении министерством писанной прусской конституции, оратор доказывает, что она пережила себя.

«Она может измениться вправо или влево, — говорит он, — но уцелеть не может. Это доказывает всякому здравомыслящему человеку самый вопль об ее сохранении. Она может измениться вправо, если изменение предпримет правительство, чтобы согласовать писанную конституцию с фактическими условиями организованной силы в обществе. Или выступит неорганизованная сила общества и снова докажет свое превосходство над организованной. В таком случае конституция будет отменена и изменена влево, как в первом случае — вправо. Но, во всяком случае, она погибла».

Из всего, что мы сказали до сих пор о политических и экономических отношениях немецкой буржуазии, вытекает, что тот способ, каким Лассаль ставил вопрос о конституции, не мог вызвать сочувствия в ее рядах. Прусские прогрессисты сопротивлялись изменению конституции «вправо», желая сохранить и упрочить политическое значение буржуазии. Но они также не хотели изменить ее «влево», ибо, — как утверждает сам Лассаль, — эта перемена была немыслима без вмешательства «неорганизованной силы общества», т. е. народа. Кроме того, изменения «влево» вели к введению всеобщего избирательного права и росту политического влияния пролетариата, а этого именно и боялась буржуазия вообще, партия прогрессистов в особенности. Поэтому неудивительно, что прусская буржуазия делала вид, будто она не понимает основной мысли Лассалья.

Не касаясь сути вопроса, она обвинила его в том, что он будто бы ставит силу выше права. В ответ на эти упреки Лассаль написал короткую статейку под заголовком «Сила и право» (*Macht und Recht*), в которой поясняет свою мысль примерами из недалекого прошлого.

«Что чему предшествовало — право силе или сила праву, когда в ноябре 1848 г. прусское Национальное собрание было разогнано штыками? Что чему предшествовало, право силе или сила праву, когда в июле 1849 г. законное всеобщее избирательное право было отменено, и издан трехклассный избирательный закон?» Итак, сила лежит в основе того права, на которое ссылается буржуазия.

Речь о «сущности конституции» только отчасти объяснила рабочим точку зрения Лассалья на историю. Он говорил в ней, каким образом феодальная система уступила место абсолютизму, а последний парламентскому правительству, но не указывает, к какой форме общественного строя ведет дальнейшее развитие конституционализма. Объясняя прошлое и характеризуя настоящее, он умалчивает о будущем. Эту брешь заполняет другая его речь, озаглавленная «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего сословия» (*Ueber den besonderen Zusammenhang der gegenwärtigen Geschichtsperiode mit der Idee des Arbeiterstandes*). Она известна под названием «Программа работников», что доказывает, какое большое значение придавал ей Лассаль; надо признать, что она является чуть ли не лучшей из всех его речей, произнесенных перед рабочими.

Ее содержание в значительной степени позаимствовано из «Манифеста Коммунистической партии». Это объясняет перевес в ней материалистического взгляда на историю. Так, например, гражданское право каждой эпохи здесь характеризуется как «верное отражение» экономических отношений. Ими же объясняется организация государственной власти «вместе с господствующим публичным правом», как и в речи о сущности конституции. Но здесь уже даже не упоминается самобытное развитие понятия и «немецкий дух». Оратор рвет окончательно с традициями идеализма. Дав характеристику предыдущих исторических эпох, ознаменовавшихся господством крупного землевладения и капитала, Лассаль переходит к современному периоду. Начало его он относит к 24 февраля 1848 г. «В этот день во Франции, стране, титанические внутренние битвы которой своими победами и поражениями знаменуют победы и поражения всего человечества, разразилась революция, возведшая работника (Альбера) в члены временного правительства, возвестившая целью государства улучшение жребия рабочего

класса, провозгласившая общее прямое избирательное право, в силу которого каждый гражданин, по достижении 21 года, получает равное участие в государственной власти, в определении воли и цели государства, независимо от его имущественных обстоятельств».

«Если революция 1789 г. была революцией третьего сословия, то революция 1848 г. есть революция четвертого сословия, которое в 1789 г. еще таилось в складках третьего сословия и, повидимому, было тождественно с ним. Теперь оно желает сделать свой принцип господствующим принципом всего общества и пронизать им все его учреждения. Но здесь, в господстве четвертого сословия, тотчас высказывается громадная разница с господством других сословий. Дело в том, что четвертое сословие есть последнее и крайнее сословие общества, сословие обездоленное, не имеющее и не могущее выставить никакого исключительного, правового или фактического условия, ни дворянства, ни землевладения, ни капиталовладения, которое оно могло бы обратить в новую привилегию и провести через все учреждения общества... Его дело есть действительно дело всего человечества, его свобода есть свобода самого человечества, его владычество есть владычество во всех».

Далее Лассаль рассматривает принцип рабочего сословия в тройном отношении: в отношении формального средства его осуществления, в отношении его нравственного содержания и в отношении присущего ему воззрения на цель государства.

Средство осуществления его заключается в общем и прямом избирательном праве. Конечно, общее и прямое избирательное право не может предохранить рабочих от ошибок.

При общем и прямом избирательном праве невозможно, чтобы избранное собрание не сделалось, наконец, верным и точным представлением избравшего его народа.

«Что касается нравственного содержания рассматриваемого принципа, то Лассаль видит его преимущество в указанной уже невозможности для рабочего класса отделить свое дело от дела всего человечества, выставить на своем знамени какую-нибудь новую привилегию. У рабочего класса не может быть того противоречия между его эгоистическими, классовыми интересами и культурным развитием нации, которое «составляет причину глубокой и неизбежной испорченности привилегированных сословий».

Не то мы видим в низших классах. «Когда низшие классы общества стремятся к улучшению своего положения как класса, к улучшению участи своего сословия, — их личный интерес совпадает с развитием всего народа, с победой идеи, с прогрессом культуры, с самым жизненным началом истории, которая есть не что иное, как развитие свободы».

«Наконец, четвертое сословие имеет не только иной политический принцип и не только относится иначе к прогрессу культуры, чем высшие сословия, но имеет еще совершенно иной взгляд на цель государства. Буржуазия проповедует государственное невмешательство; она говорит, что государство должно лишь обеспечить каждому беспрепятственное пользование его силами.

«Это противоречит самой идее государства, которое объединяет личности в одно нравственное целое, чтобы дать им возможность достигнуть благосостояния

и сделать их способными приобретать такую сумму просвещения и свободы, какая немислима для отдельного человека.

В заключение Лассаль обращается к рабочему классу с красноречивым воззванием. «Высокая всемирная историческая честь вашего назначения должна преисполнить собою все ваши помыслы. Пороки угнетенных, праздные развлечения людей не мыслящих, даже невинное легкомыслие ничтожных — все это теперь недостойно вас. Вы — камень, на котором должна быть построена церковь настоящего».

«Программа работников» произвела переполох как в правительственном, так и в буржуазном лагере. Берлинская прокуратура притянула к уголовной ответственности смелого глашатая «идеи рабочего класса». Буржуазные писатели упрекали его в тенденциозности, натяжках и преувеличениях, нападая особенно на его мнение о косвенных налогах. И только в сердцах рабочих эта программа нашла сочувственный отклик. Из первой части настоящей статьи мы уже знаем, что именно эта программа обратила внимание лейпцигских рабочих на Лассалья и внушила «Центральному комитету» мысль созыва рабочего конгресса, с целью приглашения Лассалья для подробного развития им своих взглядов. Защищаясь перед судом, возражая своим противникам, отвечая своим «Гласным письмом» на приглашение указанного комитета, Лассаль выходил окончательно из области теории на путь строительства «церкви настоящего» (или, говоря точнее, — будущего), согласно вышеуказанному плану.

IV

«Самым существенным пунктом моего ответа, пунктом, из которого последовательно развивается весь ответ, — говорит Лассаль в речи к франкфуртским рабочим, — является выдвинутый мною закон средней заработной платы». В самом деле, все его взгляды на экономические и политические задачи рабочего класса непосредственно или косвенно связаны с его теорией заработной платы. Неудивительно поэтому, что именно в этот пункт были направлены самые острые стрелы сторонников Шульце-Делича, неудивительно, что столько труда и времени потратил Лассаль на опровержение многочисленных нападков на эту неопровержимую теорию.

В чем заключается сформулированный им закон заработной платы? Какую ересь провозглашал он в области экономии? В своей брошюре, изданной для и по просьбе рабочих, Лассаль ссылается на общепризнанную научную истину и делает логически из нее вытекающие выводы. В этом и состоит все преступление и «неслыханная наглость» нового агитатора. Но правильно мнение, что даже математические истины лишь потому не оспариваются, что не затрагивают ничьих интересов; но горе было бы им, если бы господствующие классы усмотрели в них какую-либо опасность для себя!

Этот закон заработной платы, который так ужасно напугал немецкую буржуазию, Лассаль формулирует следующим образом. «При теперешних отношениях, при господстве спроса и предложения труда, рабочую плату определяет следующий железный закон: средний размер заработной платы всегда сводится к безусловно необходимому содержанию, требуемому привычками народа для

поддержания жизни и для размножения. Вот точка, вокруг которой вращается действительная поденная плата, как маятник, никогда не поднимаясь надолго выше и никогда надолго не опускаясь ниже. Она не может надолго подняться выше этого среднего размера, потому что тогда, вследствие улучшения положения рабочих, браки между ними стали бы чаще, усилилось бы размножение, рабочее население умножилось бы, и, таким образом, увеличилось бы предложение рук, что низвело бы рабочую плату к прежнему размеру или ниже.

«Но заработная плата не может долго продержаться и ниже размера, безусловного необходимого для существования, потому что тогда наступает эмиграция, безбрачие, воздержание от деторождения и, наконец, уменьшение числа рабочих благодаря нищете, что ослабляет предложение рабочих рук и потому повышает заработную плату до прежнего размера.

«Следовательно, действительный средний размер заработной платы состоит в беспрестанном колебании вокруг этого центра тяжести ее, причем она то выпадает, то падает». ¹

Рассмотрим теперь последствия, вытекающие из этого «железного и жестокого закона» по отношению к практическим стремлениям улучшить быт рабочих.

Вспомним деятельность Шульце-Делича, его потребительские, сырьевые, кредитные и другие товарищества. Лассаль анализирует все виды этих организаций и доказывает их безуспешность.

Кредитные и сырьевые товарищества могут иметь значение, — и то лишь паллиативное, — для мелких самостоятельных производителей, т. е. для ремесленников. Они могут облегчить им получение денег займа, покупку сырья и т. д., но они не дают средств для борьбы с крупной промышленностью, которая угрожает ремесленному производству неизбежной гибелью.

Потребительские общества могут принести некоторое облегчение и рабочим, однако лишь в том случае, когда в них вступают немногочисленные группы; но, если бы эта организация объединила значительную часть рабочего класса, приведенный выше «железный» закон заработной платы начал бы действовать, снижая ее до уровня снижения цен на продукты, вызванного деятельностью потребительских обществ.

Итак, для улучшения положения рабочего класса требуется изобретение такого средства, которое бы не могло быть парализовано законом заработной платы. Таким средством Лассаль считает производительные товарищества рабочих, которые, превращая трудящихся в своих собственных предпринимателей, уничтожили бы в продукте различие между доходом и заработной платой и, тем самым, также действие закона, определяющего последнюю. Понимая великолепно, что рекомендуемая Шульце-Деличем самопомощь не играет в данном случае никакой роли, Лассаль добивается в этом деле поддержки со стороны государства, тем более, что большинство населения состоит из бедняков, для которых слово самопомощь останется навсегда пустым звуком.

Но не всякое государство согласится выполнить эту обязанность. Государство должно было бы находиться в руках низших классов, но фактически

¹ «Offenes Antwortschreiben», Ferdinand Lassale's Gesammelte Reden und Schriften. B. I, S. 39.

оно находится в руках высших классов, так как только последние пользуются привилегией политического представительства. Поэтому рабочие должны требовать всеобщего и прямого избирательного права. «Тогда только склоните вы государство выполнить свой долг, когда все законодательные собрания Германии будут основаны на общем и прямом избирательном праве». Чтобы добиться прямого избирательного права, рабочие должны организовать в «Общегерманский союз» для законной и мирной, но неутомимой агитации. «Как скоро в этом союзе будет хотя 100 000 германских работников, он станет силой, которую каждому придется уважать... Правительства могут скривляться политическими правами... Даже вам можно отказать в политических правах, в том числе и в общем избирательном праве, при невнимании вашем к этим правам. Но если 89—96% населения поймут, что общее избирательное право есть вопрос желудка и потому примутся за него с страстью голода, — будьте уверены, господа, что нет той силы, которая долго устояла бы против них».

Таково содержание известного «Гласного ответа». Организация рабочих в отдельную политическую партию и устранение железного закона заработной платы путем производительных товариществ, создаваемых в широких размерах при поддержке государства, — вот та двойная цель, которую Лассаль указывал германскому «рабочему классу». Эта цель противоречила интересам буржуазии. Если, кроме того, примем во внимание, что автор «Ответы» чувствительно задел в нем партию прогрессистов, то нам станет понятно, почему эта брошюра обратила на себя внимание всей читающей Германии. С этого момента начинается теоретическая и практическая кампания против грозного агитатора. Буржуазные ученые доказывают, что указанный выше закон заработной платы является бессмысленной выдумкой, давно уже опровергнутой наукой; те же самые люди, как Маке Вирт и Рау, которые признавали этот закон в своих учебниках политической экономии, отвергали его в своих статьях для рабочих, уверенные в том, что незнание последних с историей экономии обеспечивает им безнаказанность этой двусмысленной тактики; официальным цифрам прусской статистики отказывали в достоверности; план организации производительных товариществ сравнивали с французскими Национальными мастерскими 1848 г., основанными заклятыми врагами социализма в целях дискредитирования Луи Блана и его сторонников. Лассаль имел полное право воскликнуть с горечью: «Die Lüge ist eine europäische Macht!». ¹

Одновременно с борьбой, объявленной Лассалю на страницах журналов, против него велась энергичная агитация в рабочих союзах и объединениях. Но неустранимый защитник графини Гатцфельд, хотя и сознавал всю затруднительность своего положения, решил храбро пойти навстречу буре. В поисках союзников он обращался почти ко всем, от кого только можно было ожидать беспристрастного суждения в рабочем вопросе. Однако немногие откликнулись на его зов. «Старой настоящей демократии», о которой он с такой гордостью говорит в «Macht und Recht», в то время больше не существовало как партии. Ее сторонники перешли отчасти в лагерь прогрессистов, отчасти, истощенные тюрьмами, нищетой, изгнанием, представляли собою уже печальные развалины в

¹ См. его статью «Die französischen Nationalwerkstätten von 1848».

физическом и моральном отношении. Ветераны 1848 г., опытные руководители «Союза коммунистов», Маркс и Энгельс, жили в Лондоне и были поглощены собственными делами, а кроме того они не вполне соглашались с программой Лассалья. Все это, вместе взятое, толкало его на переговоры даже с представителями чужого лагеря, между ними с известным экономистом Карлом Родбертусом-Ягцовым; но взгляды последнего слишком отличались от лассалевских, чтобы возможно было, — как этого желал Лассаль, — их совместное руководство рабочим движением. Лассаль был демократом, Родбертус принадлежал к консервативной партии. Первый доказывал, что отказ от политической деятельности был бы доказательством «крайней ограниченности» рабочих, другой держался правила: «monarchisch, national, sozial», и советовал рабочим невмешательство в политику. Лассаль добивался организации рабочих в производительные товарищества, Родбертус относился к ним весьма скептически.¹ Поэтому наш герой вскоре убедился, что может рассчитывать лишь на свои собственные силы и на здравый рассудок рабочих.

Лейпцигский комитет почти единогласно принял его программу и решил немедленно приступить к организации «Общегерманского рабочего союза». Уступая настойчивым просьбам этого комитета, Лассаль приехал в Лейпциг, где сейчас же было организовано многочисленное рабочее собрание под руководством Вальтейха. В своей речи Лассаль еще раз развил и защищал взгляды, высказанные им в «Открытом письме». Из 1 300 присутствующих лишь 7 человек высказались за Шульце, остальные целиком и полностью поддержали блестящего оратора.

Это была крупная победа. Но от 1 300 согласных еще очень далеко до 100 000 активных членов «союза», о которых мечтал Лассаль в своем «Манифесте».

В апреле этого же богатого событиями 1863 года противники Лассалья пытались восстановить против него федерацию рабочих союзов долины реки Майн (Verband der Arbeitervereine des Maingau's). Макс Вирт, Франц Вирт, Зоннеман, Кениг, Лахман и прочие агитаторы из лагеря прогрессистов появились на конгрессе, созванном этой федерацией в Бедельгейме, чтобы добиться у рабочих резолюции, «уничтожающей» Лассалья. Однако их планы натолкнулись на непредвиденные препятствия. Присутствующие на конгрессе делегаты франкфуртского Arbeiter-Bildungsverein'a (Рабочего просветительного общества) потребовали более систематического и более беспристрастного рассмотрения программы Лассалья. Решено было закупить его произведения и вызвать его во Франкфурт для публичного диспута с Шульце. Решение о сражении с грозным противником не понравилось Шульце, и он отказался приехать, оправдываясь отсутствием времени. Лассаль, наоборот, обрадовался неожиданной возможности проучить либеральных агитаторов. День его приезда был назначен на 17 мая, а тем временем обе стороны начали энергично готовиться к решительному бою. «Я должен выйти победителем», решил Лассаль и сдержал слово, несмотря на всяческие интриги и каверзы, устраиваемые его противниками. Он говорил по несколько часов в течение двух вечеров, и речь его прерывалась то восторженными рукоплесканиями,

¹ Эти различия выявились в «Гласном письме» («Offener Brief», Leipzig 1863) Родбертуса.

то бешеными криками противников. Чем больше разгорались страсти слушателей, чем чаще прерывали его криками ненависти или одобрения, тем более захватывающей становилась его речь. Сколько горьких истин услышали тогда рабочие о своем экономическом положении.

«Может быть, вы думаете, господа, что вы люди? Вы страшно ошибаетесь, если смотреть экономически, т. е. так, как оно есть в действительности», восклицает Лассаль, объясняя последствия «железного закона заработной платы».

«В экономическом смысле вы не что иное, как товар! Высокая плата умножает вас, как умножает чулки при недостатке их, а потом вас сбывают, количество все уменьшают посредством понижения заработной платы... вас истребляют, как зловредных насекомых!» Сколько горьких упреков бросил он в лицо немецким рабочим за их равнодушное отношение к условиям собственной жизни. «Вы, немецкие рабочие, престранные люди! Говоря с английскими или французскими рабочими, приходилось бы толковать, как помочь их печальному положению, а вам надо еще прежде доказать, что положение ваше печально... Этому виной проклятая ограниченность ваших потребностей». «Иметь как можно больше потребностей, но удовлетворять их честным и пристойным образом — вот в чем добродетель нашего экономического времени. И пока вы не понимаете этого, пока вы не следуете этому, я проповедую вам тщетно». Еще более решительна следующая его речь, в которой он доказывает рабочим, что они не могут голосовать против него.

«Этого мало: восстают люди науки, я, Родбертус, Вуттке, обращаются к вам лично или печатно и говорят вам: вам надо помочь! И вы ответите им: нет? И вы, как прирученные домашние животные, обратитесь против собственной породы? Это был бы факт до того противоестественный, факт такого национального позора, что при одной мысли об этом я краснею за вас. Каким хохотом ответили бы на подобную весть ваши французские и английские братья!.. Есть пороки, свойственные одичалости и нищете; бывают крайности преступные, но представляющие естественные излишества силы. Но если бы вы подали голоса против меня, против людей, говорящих, что следует помочь вам, это было бы преступление противоестественное. Это была бы такая противоестественная слабость, такой недостойный недостаток мужества, что я слов не нашел бы, чтобы заклеить его! Говоря это, я вспоминаю слова одного великого германского патриота... слова, вырвавшиеся из большой груди его в припадке отчаяния в тридцатых годах... «Другие народы, — воскликнул однажды Берне, — могут быть рабами; их можно заковывать в цепи, силой держать в порабощении, но немцы — лакеи, их не приходится заковывать в цепи, их можно пускать бегать по дому на свободе». 23 года тому назад прочел я в первый раз эти слова... и 23 года я внутренне веду борьбу против этих слов, которые, раз запав в мою душу, ничем не изглаживались из нее. Но если теперь германские рабочие решительным большинством обратятся против самих себя, — я перестану упорствовать в отрицании этих слов Берне и с пылающим от стыда лицом подпишу полное согласие с ними!»

Позднее Лассаль неоднократно повторял, что во Франкфурте-на-Майне была решена судьба «Всеобщего германского рабочего союза». Собрание приняло следующую резолюцию:

«Собравшиеся во Франкфурте-на-Майне рабочие заявляют: 1) что присоединяются к решениям лейпцигских рабочих и в соответствии с этим 2) употребят все средства для создания и распространения Всеобщего германского рабочего союза».

На следующий день, т. е. 20 мая, Лассаль произнес речь в Майнце, где все собрание в 800 человек единогласно высказалось за него, а 23-го этого же месяца был окончательно оформлен «Всеобщий германский рабочий союз». «Под названием «Всеобщий германский рабочий союз», — говорит устав, — подписавшиеся организуют товарищество, которое, исходя из того положения, что лишь всеобщее, равное и прямое избирательное право может обеспечить немецким рабочим достаточное представительство их интересов и устранение классовых различий в обществе, ставит себе целью добиться введения всеобщего, прямого и равного избирательного права мирными и легальными средствами и особенно путем завоевания общественного мнения».

Председателем или, точнее, диктатором этого крайне централистически построенного «союза» был избран Лассаль. Он не очень охотно взял на себя эти новые и обременительные обязанности, которые могли целиком помешать его научной и литературной деятельности.

Наряду с агитационной деятельностью и работой над статьями, речами и брошюрами Лассалю приходилось вести упорную борьбу с берлинской прокуратурой, которая стремилась любой ценой приговорить его к нескольким месяцам тюрьмы.

Мы говорили уже выше, что речь Лассалья «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего класса» послужила поводом к судебному преследованию и затем даже к заключению. Его защитительную речь, напечатанную под заголовком «Die Wissenschaft und die Arbeiter» («Наука и рабочие»), можно свести к простому силлогизму: параграф 20 прусской конституции гласит, что «наука и ее распространение свободны»; его речь «Об особенной связи современного исторического периода с идеей рабочего класса» — вполне научная речь, а поэтому предание его суду является «несомненным попранием закона». Лассаль требует оправдательного приговора даже не для себя, а «для нации и ее чести, для науки и ее достоинства, для страны и ее законной свободы».

После вынесения обвинения он апеллирует к высшей инстанции, доказывая необоснованность приговора.

Защита Лассалья перед второй инстанцией появилась в печати под заголовком: «Die indirekte Steuer und die Lage der arbeitenden Klassen» («Косвенные налоги и положение рабочих классов»), так как подсудимый доказывает в ней правильность высказанного им взгляда о том, что буржуазия, как и всякий другой господствующий класс, стремится перебросить на немущих всю тяжесть государственных расходов. Приводя в конце цифры официальной статистики, он восклицает:

«Итак, во всем государстве только 11 400 лиц имеют больше 2000 талеров дохода, только 44 400 лиц... имеют больше 1000 талеров дохода.

«Вот каков баланс общества!

«Не правда ли, господа, не будь это официально засвидетельствовано, вы никогда не поверили бы этому, никогда не сочли бы это возможным?

«И вот эта-то до смешного ничтожная кучка людей повсюду наполняет со

своими семьями все театры, все концерты, все собрания, балы, гулянья, рестораны и погребки, порождая этим впечатление чего-то многочисленного и вездесущего. Она думает только о себе, только о себе говорит, воображает, что она — весь мир, она располагает всеми газетами, всеми мастерскими, где вырабатывается общественное мнение, и успевает даже убедить других, что она — эти 11 000 или эти 44 000 — составляет весь свет!

«И эта ничтожная кучка людей одна только копошится, одна только волнуется, рассуждает, пишет, ораторствует, думает только о своих интересах, только за ними гоняется, уверяет себя, что она — все и в своем самообольщении начинает воображать, что и налоги платит она. А там, внизу, под нею, в немых невыразимых муках изнемогает бесчисленное множество неимущего народа, 17 миллионов людей, которые производят все, чем красна наша жизнь, что составляет необходимое условие всякой нравственности, необходимое условие существования государства, которые на своих плечах выносят все его битвы, платят налоги, и нет никого, кто подумал бы о них и вступился бы за них!»

Вернемся, однако, к дальнейшей истории «Всеобщего германского рабочего союза». Число его членов росло крайне медленно и в августе 1863 г. достигло лишь 1 000. Почти все уполномоченные жаловались на равнодушные рабочих по отношению к собственным интересам и на их полное доверие к партии прогрессистов; касса союза находилась в плачевном состоянии, и Лассаль приходилось неоднократно покрывать текущие расходы из собственного кармана. Кроме того, уполномоченные зачастую не стояли на высоте своих задач, не проявляли достаточно энергии и рассудительности, забрасывали переписку.

«Факт, что в нашей организации имеется лишь 150 лейпцигских рабочих, когда вначале речь шла о 500 — 800, — писал Лассаль 25 июня секретарю союза, Вальтейху, — имеет большое значение. То, что другие союзы насчитывают не более членов, не является утешением. Мы можем действовать лишь через широкие массы. Массовое движение при такой малочисленности народных обществ было бы смешным. У нас должно быть в семь раз больше членов, чем в этих товариществах — в противном случае мы потерпим убийственно-смешное поражение».

После блестящего успеха Лассалья в Лейпциге, Франкфурте и Майнце такое положение вещей может показаться странным. Но это объясняется просто. Здесь имеет место явление, часто повторяющееся при всяких народных движениях. Только небольшая кучка *сочувствующих* оказывается способной выступить в роли активных сторонников новой идеи.

«Во всяком случае надо обладать непреклонной храбростью, чтобы стать членом Всеобщего германского рабочего союза, — писал Вальтейх Лассаль; — ненависть, которую мы встречаем на каждом шагу, выше всякой меры. Я могу, так же, как и вы, смеяться над этим, но не все в состоянии это сделать. Поистине, буржуазия обладает действительной силой».

Не следует также забывать, что теперь, как и в первый момент своей агитации, Лассаль был одинок. Печальный опыт показал ему, что желанный и неизбежный союз между «наукой и рабочими» ни в коем случае не тождествен с неосуществимым союзом между рабочим классом и представителями официальной

науки. Из всех профессоров только один Вуттке стал на его сторону, но и он ничем не способствовал развитию движения. Из частных лиц на призыв Лассалья откликнулись только М. Гессе, И.-Б. Швейцер, юрист Мартини и поэт Гервег. Мартини, назначенный главным уполномоченным в Восточной Пруссии, не проявлял никакой деятельности. Гервег после удачной песни, написанной им для союза, «*Vet, und Arbeit, rufft die Welt*», почил на поэтических лаврах и, несмотря на просьбы Лассалья, не явился на конгресс швейцарских рабочих в Цюрихе для защиты программы «Всеобщего германского рабочего союза», хотя он и жил тогда в самом Цюрихе, в результате чего конгресс решительно высказался против Лассалья. И.-Б. Швейцер, человек чрезвычайно энергичный и способный, написал с пропагандистской целью известный социальный роман «Люцинда», посвященный Лассалю. У него был несомненный литературный и ораторский талант, но своей испорченностью и развращенностью он скорее вредил, чем помогал, рабочему движению. Избранный спустя несколько лет после смерти Лассалья председателем союза, он чуть было не сделал его орудием «железного канцлера». Итак, мы видим, что из всей этой группы один только старый социалист Гессе мог считаться действительным и преданным делу помощником.

При полном отсутствии средств нельзя было даже мечтать о создании собственного органа и приходилось удовлетворяться нескусной поддержкой мелких журнальчиков, вроде гамбургской газеты «*Nordstern*», лейпцигской «*Zeitung*», франкфуртской «*Volkfreund*» и еще нескольких.

Секретарь союза считал временами, что надо отказаться от начатого дела, но Лассаль был слишком горд, чтобы признать себя побежденным, «Распустить общество? Это невозможно! Слишком коротка проверка, не прошло и зимы с момента основания. Это был бы слишком большой позор для нации и партии!» Приведенная выше выдержка из письма Лассалья Вальтейху очень важна для уяснения дальнейшей тактики основателя «Всеобщего германского рабочего союза». Она показывает, что уже в августе 1863 г. Лассаль не надеялся на дальнейший успех начатого дела, называя свой «меч» — деревянным. Человек с негибким характером, он не хочет выпустить из своих рук даже деревянного меча, готовится к борьбе, пытается разжечь мужество в своих сторонниках, надеясь в значительной мере на современные политические отношения, которые могут сыграть для союза благоприятную роль. Эти взгляды, расчеты, чаяния объясняют отчасти ошибки, совершенные Лассалем в дальнейшей агитации.

В этом же письме Лассаль сообщает о намерении совершить агитационную поездку по Рейну непосредственно после своего возвращения в Германию. В самом деле, в конце сентября он осуществил свой план: выступал в Бармене, Золингене и Дюссельдорфе, а его поездка в Гамбург, где союз насчитывал много сторонников, сорвалась исключительно из-за его болезни.

Агитация на Рейне осталась надолго в памяти прогрессистов как грозное предзнаменование приближающейся социальной революции. Поездка прошла с большим подъемом. «Рейнские рабочие тысячами являлись на собрания, — рассказывает Меринг, — они с воодушевлением встречали бледного, худощавого ученого, который пользовался у них большой популярностью за свое мужественное поведение в 1848 г. и во время реакционного правительства Мантейфеля; его приветствовали как представителя лучшего будущего».

Агитационная речь Лассалья на Рейне носит название «Die Feste, die Presse und der Frankfurter Abgeordnetentag. Drei Symptome des öffentlichen Geistes». Она посвящена разбору насущных вопросов внутренней немецкой политики. Лассаль говорит в ней о борьбе либеральной буржуазии с прусским правительством, указывая на ошибки, трусость и бессилие прогрессистов; переходя затем к позиции, занятой печатью в борьбе с правительством, он возмущенно клеймит ее лицемерие и невежество. «Я напомним, прежде всего, рейнское празднество депутатов в Кельне и в Роландсэкке, имевшее место тут же, поблизости от вас, — говорит он своим слушателям. Вы могли здесь полюбоваться на сатурналии немецкой буржуазии. И не только один Кельн привлекал к себе взоры всей Германии, не один только Кельн бросался всем в глаза в немецких газетах — всюду вы могли читать, видеть, слышать о празднествах, об устройстве празднеств, о посылке депутатов на празднества... Что праздновали эти достопримечательности? В то время как страна находится в таком положении, что остается только ходить в рубище, посыпать голову пеплом, они пируют! После своих поражений они устраивают празднества, какие можно встретить только у французов после их победоносных революций!»

Затем, коснувшись жалкой роли печати в борьбе с правительством, он дает волю своему возмущению ее лицемерием и невежеством.

«Печать переживает теперь такую стадию своего развития, что она является самым опасным, истинным врагом народа, тем более опасным, что она действует в замаскированной форме. Быть может, одно лишь ее невежество превышает ее лживость, ее испорченность, ее безнравственность... Держитесь крепко, с пламенной душой за тот лозунг, что я бросаю вам: ненависть и презрение, смерть и гибель нынешней печати!»

Далее Лассаль ставит чрезвычайно важный вопрос об отношении рабочей партии к борьбе между правительственной реакцией и буржуазным «прогрессом». Каково должно быть отношение рабочей партии к борющимся сторонам? Кого поддерживать — реакционеров или прогрессистов? Или, может быть, стать в позицию пассивного и равнодушного зрителя по отношению к борьбе враждебных партий? Допустимы ли для нас какие-либо соглашения или компромиссы, а если да — то какие именно? С этим вопросом было неразрывно связано все будущее начатого Лассалем движения, и поэтому необходимо было дать на этот вопрос ясный и определенный ответ; в противном случае возможны были недоразумения, которые легко могли превратить «союз» в орудие реакции. Лассаль советует поддерживать прогрессистов. Но он мотивирует это не тем, что всякая победа реакции непосредственно и косвенно вредна рабочему движению, и не тем, что нельзя победить буржуазию, не победив предварительно и в кратчайший срок абсолютизма и феодальной аристократии; нет, он обосновывает свой ответ следующим образом: «Я говорю — для нас важно, чтобы эта борьба продолжалась дальше не для того, чтобы один пожрал и проглотил другого, а для того, как на это надеялся Ульрих фон-Гуттен, когда Лютер впервые поднял знамя бунта против папы, чтобы они пожрали и проглотили друг друга. Следовательно, мы должны поддерживать в этой борьбе слабейшую сторону. А о том уже позаботились; г. фон-Бисмарк уже позаботился о том, чтобы прогрессивные деревья не доросли до небес. А нам, следовательно, со своей стороны, в случае нужды,

необходимо позаботиться о том, чтобы реакция не проглотила прогрессистов».

Такая постановка вопроса была самой ложной и самой опасной в мире. Не выступая принципиально против соглашения рабочего класса с реакцией, Лассаль допускал тем самым его возможность, конечно при определенных условиях. Итак он считал возможной борьбу рабочих с тем общественно-историческим движением, результатом которого должна была явиться, по его собственным словам, победа труда над капиталом. И что удивительного в том, что его последователи хотели осуществить то, что он считал возможным, и заключить действительно соглашение с Бисмарком? Как непохож этот совет на то, что он доказывал раньше, хотя бы в своей речи «Was nun?», в которой он восклицает: «У вас теперь большой запас опыта, чтобы знать что такое старый абсолютизм. Итак, никаких новых компромиссов с ним. Нужно одно: рукой за горло и коленом на грудь!» Чем объяснить такую перемену? Неужели Лассаль изменил свои взгляды на абсолютизм?

Ключ к разрешению этой загадки мы находим в приведенных выше выдержках из его письма секретарю союза. Считая достойным внимания лишь быстрый успех среди рабочих, убежденный одновременно в невозможности такого успеха, чувствуя с отчаянием, что «деревянным» мечом он не сумеет нанести противнику чувствительных ран, Лассаль начинает играть в дипломатию. Избегая ясного ответа на вопрос об отношении рабочих к феодально-правительственной партии, он говорит двусмысленно, оставляя себе возможность соглашения с ней. Он не говорит пока о каком-либо соглашении, так как ему еще неизвестны результаты его агитационной победы, он питает еще надежду «завоевать» Берлин. Но он уже подготавливает умы рабочих к резкой перемене в старой тактике. Из этого мы можем сделать вывод, что, в случае неуспеха, Лассаль сделает поворот и попытается путем дипломатии достигнуть того, в чем ему отказала история, не подготовив еще достаточно немецкого рабочего для массовой борьбы за осуществление лассалевской программы.

Чтобы «завоевать» прусскую столицу, Лассаль тотчас же после своего возвращения с Рейна опубликовал воззвание «К берлинским рабочим». В нем сила его красноречия достигает своего апогея. Желая убедить одураченных и обманутых прогрессистами рабочих в необходимости вступления в ряды «Общегерманского рабочего союза», он писал: «Мои устами с вами говорят ваши братья с Рейна, с Майна, с Эльбы и с берегов Северного моря! Они протягивают вам мозолистые руки и требуют вашего братского рукопожатия... Они говорят вам:

«Как вы можете идти в хвосте у прогрессистов или пребывать в ленивом равнодушии, когда дело идет о политической свободе, о новом восстании демократии, о материальных интересах вашего класса, об избавлении труда от дани капиталу?»

«Они говорят вам:

«Подумайте о своих великих покойниках марта 1848 г.! Неужели вы, сыновья и братья тех, которые были первыми в тогдашнем движении, хотите быть последними в настоящем?»

«А ведь тогда дело шло только о политической свободе! Теперь же оно идет и о политической свободе, и об интересах труда!»

«И тогда приходилось строить баррикады, — теперь же все дело пока только в том, чтобы законно, дозволенным вступлением в наш союз, величавым обнаружением нашей численности и единодушия занять положение, которое будет иметь огромное влияние и на правительство, и на прогрессистов, и вызовет новый оборот в развитии нашего народа!»

Однако берлинские рабочие находились под столь сильным влиянием прогрессистов, что страстный призыв Лассалья не оказал на них почти никакого действия. Берлин остался в руках либеральной буржуазии, а рабочее население столицы, только после смерти знаменитого агитатора, поняло, какую незавидную роль оно сыграло, освящая Лассалья в угоду прогрессистам. Но, поняв совершенную ошибку, оно с таким жаром взялось за ее исправление, что в конце шестидесятых годов Берлин становится чуть ли не главным центром движения, поднятого Лассалем.

Верный доброжелатель Лассалья, берлинская прокуратура, не замедлила воспользоваться случаем, чтобы еще раз посадить его на скамью подсудимых. В связи с воззванием «К берлинским рабочим» она обвиняет Лассалья в государственной измене, что угрожало ему многолетним заключением. 12 марта 1864 г. Лассаль, вместе со своим защитником, адвокатом Гольтгофом, предстал перед берлинским государственным судом, который на этот раз вынес оправдательный приговор. Защитительная речь Лассалья была, как всегда, остроумна и блестяща, но неприятное впечатление производили отдельные места, недостойные председателя социал-демократического рабочего союза. Это объясняется тем обстоятельством, что зимой 1863—1864 г. Лассаль лично познакомился с Бисмарком, по адресу которого он высказал несколько неуместных комплиментов еще в своей рейнской речи. Между знаменитым агитатором и будущим государственным канцлером состоялся ряд бесед, о характере которых в настоящее время трудно сказать что-нибудь определенное. Бисмарк говорил о них одно, гр. Гатцфельд — другое, — только одно не подлежит сомнению, а именно, что темой этих бесед был вопрос об отношении новой партии к борьбе либеральной буржуазии с реакционным правительством. И хотя, как утверждает Бисмарк, во время этих бесед не было и речи о взаимных обязательствах, оба собеседника как будто хорошо поняли друг друга. Убедившись, что Бисмарк будет охотно заигрывать с рабочими, Лассаль, со своей стороны, начал заигрывать с правительством. Эта тактика, столь отличная от прежней, видна в вышеупомянутой защите Лассалья.

Его обвиняли в намерении низвергнуть конституцию.

Лассаль отвечает: «Хотя я не более как частный человек, но я говорю вам прямо: я не только хочу низвергнуть конституцию, но и года не пройдет, как я низвергну ее! Но как? Так, что при этом не прольется ни одной капли крови, ни один кулак не сожмется на насилие! Не пройдет, может быть, и года, как всеобщее и прямое избирательное право будет самым мирным образом даровано нам... а фон-Бисмарк разыграет роль Роберта Пиля... Правительство разыграет роль сэра Роберта Пиля, говорю я, уже по той причине, что ему больше ничего не останется делать. Борьба непримиримая, смертельная идет между монархией и буржуазией. Кто первый поддастся, тот погиб! Монархия не может уступить перед кликой, но, с другой стороны, не может увековечить тот беспорядок, в котором мы теперь живем... но вполне может призвать на арену народ

и опереться на него. Ей стоит только вспомнить, кто тот столп, на котором она высится. Ведь не буржуазия, а народ платит ее налоги! Ведь народ, а не буржуазия сражается за нее в войнах! Наконец, ей стоит только вспомнить свое происхождение, потому что вначале всякая монархия была народной.

«Правда, монархия Луи-Филиппа, монархия — креатура буржуазии не может сделать этого. Но монархия, сохранившаяся еще в своем первоначальном составе, опирающаяся, как искони, на рукоятку меча, вполне могла бы сделать это, если бы решилась преследовать истинно великие, национальные и народные цели».

Так говорил тот самый Лассаль, который в «Гласном ответе» утверждал, что во всей Германии, не исключая и Австрии, нет правительства более реакционного, нежели прусское! Вот как резко изменились его взгляды в течение одного года! Прогрессисты были близки к победе. Под влиянием их атак Лассаль постепенно становился на путь недопустимых компромиссов с реакцией, из социал-демократа превращался в — как их теперь называют — государственного социалиста.

Ошибки великого агитатора вызывают удручающее впечатление, и мы спешим перейти к положительным и плодотворным сторонам его деятельности.

Дела союза, агитационные поездки, обширная корреспонденция, бесчисленные процессы — все это поглощало почти все время Лассалья. «Я не смогу больше вернуться к тому, что считаю работой, к работе теоретической, и это, собственно, меня больше всего беспокоит», — писал он Отто Даммеру. В самом деле, «работа», как он ее понимал, была в то время необходимой, так как сами рабочие жаловались на отсутствие популярных книжек и брошюр по вопросам теории. Желая заполнить этот пробел и одновременно свести окончательные счета со своим старым противником, Шульце-Деличем, Лассаль написал свое известное произведение: «Господин Бастиа-Шульце фон-Делич, экономический Юлиан, или капитал и труд». Это произведение посвящено «германскому рабочему классу, а также германской буржуазии». Посвящение рабочим не требует комментариев, что же касается буржуазии, то автор с гордостью полагал, что его произведение завоеует тысячи сторонников среди представителей буржуазии. Не его вина, что действительность обманула его ожидания; он сделал все возможное для выяснения истины, но эта истина противоречила классовым интересам буржуазии и поэтому не получила с их стороны ни сочувствия, ни признания. Нельзя, однако, сказать, что эта книжка не обратила на себя внимания ученого мира. Если образованные представители буржуазии не могли подняться до такой объективности, чтобы перейти в лагерь Лассалья, то все же многие из них признали его превосходство над Деличем; они убедились, что социализм не является детской фантазией, вытекающей из несознательного чувства, и поражались бессилию буржуазной науки в борьбе с рабочим движением.

Горький опыт научил их, по крайней мере, осторожности, и большинство немецких экономистов, борющихся с социал-демократией, считает своей обязанностью раскланиваться перед представителями последней. Этот перелом совершился именно с момента появления «Капитала и труда» Лассалья.

Переходя к оценке этой книжки, мы должны заметить, что она делится на две части: 1) на полемику с Шульце и 2) на изложение собственных взглядов

Лассалья. Первая часть безупречна, ее аргументация опрокидывает, как карточные домики, все доводы либеральной экономики.

Для оценки второй части нужно иметь в виду два следующих обстоятельства. Во-первых, политическая экономия никогда не была специальностью Лассалья, а следовательно, он не мог претендовать и не претендовал на оригинальность в этой области. Его задача заключалась в собирании и популяризации всего того, что было наилучшего в современной экономической литературе. Желая выполнить эту задачу, Лассаль приступил к изучению сочинений Маркса. «Капитал» в то время еще не появился в печати, и наилучшим произведением Маркса считалась книжка, изданная в 1859 г. под заглавием «Zur Kritik der politischen Oekonomie», рассматривающая исключительно проблемы товара, меновой стоимости и денег. Итак, Лассаль, в целях выяснения исторического развития капитала, пришлось обратиться и к другим источникам. Он выбрал произведение Родбертуса. Влияние экономических взглядов последнего на Лассалья не подлежит сомнению, и оно проявляется чуть ли не на каждой странице «Капитала и труда». Лассаль пробовал соединить теорию Маркса со взглядами Родбертуса, а эклектизм такого рода должен был уже сам по себе отрицательно повлиять на стройность и целостность экономических взглядов нашего автора; если же мы еще примем во внимание исторические ошибки, совершаемые так часто самим Родбертусом, то легко поймем, почему «Капитал и труд» можно считать в настоящее время устаревшим во многих отношениях.

В начале мая 1864 г. Лассаль снова отправился в агитационную поездку, во время которой посетил Лейпциг, Золинген, Бармен, Кельн, а также Вермельскирхен. Эта поездка была, буквально, триумфальным шествием; агитатор, утомленный постоянной борьбой и неудачами, мог здесь «почерпнуть силы в волнах народного энтузиазма».

«Подобной картины, — писал Лассаль гр. Гатцфельд, — я никогда еще не видал. Здесь нельзя говорить о празднестве или о собрании какой-нибудь партии... все население было объято безграничной радостью. Я думал про себя: так бывало, вероятно, при основании новых религий».

В воскресенье 22 мая в Ронсдорфе праздновали годовщину основания «Всеобщего германского рабочего союза». Встреча его председателя прошла с еще большим энтузиазмом, нежели в Вермельскирхене. Лассаль произнес по этому случаю свою «Heerschau-Rede», напечатанную затем под заголовком «Агитация Общегерманского рабочего союза и обещания прусского короля».

Само собой разумеется, что в этой торжественной речи Лассаль не выявил и тени тех сомнений, которые удручали его в тяжелые минуты; напротив, вся она посвящена исключительно успехам Всеобщего германского рабочего союза. Оратор напоминает неблагоприятные обстоятельства первого периода своей деятельности, а равно и полное отсутствие какой-либо поддержки. «Стало быть, не всего ли вернее было думать, что творению нашему суждено явиться на свет мертворожденным. Напомню вам одно чрезвычайно поэтическое средневековое сказание, которому в народе верили много веков. Говорили, что лев рождается всегда мертвым и что только страшное рыкание льва-отца пробуждает его к жизни. Ну вот, мы разыграли легенду! В первый день наше дитя казалось мертвым, но мы так страшно рычали, что эхо отдалось во всех немецких землях,

и дитя пробудилось к радостной жизни, доказав этим, что оно истый львенок».

К сожалению, и в этой речи встречаются ярко выраженные «caesaristische Anklänge». Как доказательство успешного развития своей агитации, Лассаль приводит, между прочим, и то обстоятельство, что известный епископ von Ketteler и даже сам прусский король признают необходимость государственной помощи для рабочих. Король высказал эту мысль перед депутацией от силезских ткачей. «Посмотрим, — восклицает Лассаль, — сдержит ли королевство свое обещание, выкупит ли оно свое слово, данное в залог рабочему классу, но поймите же, что сомневаться в этом было бы оскорблением величества».

В наши дни прусское или, вернее, имперское правительство, как бы выполняющая «обещание прусского короля», вымучивает все новые и новые проекты разрешения рабочего вопроса. Но весь вопрос в том, какую пользу получают рабочие от этой бонапартистской политики.

Продолжительные и бурные овации не смогли рассеять мрачных мыслей председателя «Всеобщего германского рабочего союза». Его тревожное состояние ясно чувствуется в конце его речи.

«Вы понимаете, конечно, что, поднимая это знамя, я заранее знал, что лично могу погибнуть в этой борьбе. Но те чувства, которые возбуждает во мне мысль о возможности моей личной гибели, я лучше всего могу выразить стихом римского поэта: *Exoriare aliquis nostris ex ossibus ultor!*» — «Когда погибну, то пусть из костей моих возникнет мститель и преемник!»

«Пусть не погибнет со мной это великое национальное и культурное движение; пусть зажженный мною пожар пожирает все вокруг себя дальше и дальше, пока жив будет хотя один из вас! Обещайте мне это и в знак обещания поднимите руки!»

Собрание встало в величайшем возбуждении, в зале раздались продолжительные и оглушительные аплодисменты.

В Ронсдорфе Лассаль говорил последний раз перед рабочими; оттуда он отправился в Дюссельдорф, чтобы предстать перед апелляционным судом по поводу жалобы, вызванной его первой рейнской речью. Суд приговорил его к шестимесячному заключению. Прибавим к этому четыре месяца заключения, полученные от берлинского суда за оскорбление, нанесенное судебным властям во время одного из предыдущих процессов, и угрозу нескольких новых уголовных дел в ближайшем будущем.

Друзья советовали ему эмигрировать, и Лассаль, казалось, временами то склонялся к их совету, то в нем снова пробуждалась жажда действия, и он начал обсуждать планы новых агитационных поездок. Неумолимая смерть положила конец его внутренней борьбе. 31 августа 1864 г. Лассаль погиб на дуэли с румыном Янко Раковицем. Много говорилось и писалось о причинах этой дуэли, так много, что это дает нам право не затрагивать этого вопроса; наша задача кончилась вместе с последней речью Лассалья, произнесенной на рабочем собрании. Его похоронили на еврейском кладбище в Бреславле. Его могилу украшает мраморная плита, на которой выбита надпись, составленная, — как утверждают, — известным Бекон: *«Hier ruhet, was sterblich war von Ferdinand Lassale, dem Denker und Kämpfer»* («Здесь покоится то, что было тленного в Фердинанде Лассале, мыслителе и борце»).

Лассаль совершил в своей агитации не мало теоретических и практических ошибок. Никто из современных социал-демократов не придает большого значения проекту организации производительных товариществ.¹ Ни один из членов этой партии не одобрит тактики Лассалья по отношению к Бисмарку. Но никто не станет отрицать, что Лассаль оказал германскому рабочему движению громадные и неоценимые услуги. И правы были члены основанного им союза, когда пели над его могилой:

В Бреславле кладбище;
В одной из могил
Лежит тот, который
Мечи нам вручил.

¹ В одном из своих писем Родбертусу Лассаль, называя себя коммунистом, доказывает, что проект производительных товариществ был ему необходим в агитационных целях.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

К ДВУХСОТПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ГОББСА

СТР:

И. Луппол. Томас Гоббс	3
И. Рубин. Экономические взгляды Томаса Гоббса	18

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ф. Шиллер. Энгельс и литература	34
Х. Кабакчиев. Дмитрий Николаевич Благоев (1855 — 1924)	54

К ИСТОРИИ «КАПИТАЛА» В РОССИИ

А. Реуэль. Полемика вокруг «Капитала» Карла Маркса в России 1870-х годов	65
О. Маркова. Отклики на «Капитал» в России 1870-х годов	115

К ИСТОРИИ МАРКСИЗМА В РОССИИ

Г. Плеханов. Ф. Лассаль. Его жизнь и деятельность. С предисловием Д. Рязанова	150
--	-----

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

I. Диалектический материализм и история философии	200
II. Марксизм и религия	210
III. Политическая экономия	213
IV. История общественных форм	225
V. История социализма и революционного движения на Западе	229
VI. История социализма и революционного движения в СССР	239
VII. Вопросы культуры и искусства	252
VIII. Издания Института К. Маркса и Ф. Энгельса	258

ИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА К. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Постановление ЦК ВКП (б) от 1 июня 1929 г.	268
--	-----

Указатель рецензированных книг и статей

На русском языке:	Стр.		Стр.
Авербах, Л. — Спорные вопросы культурной революции	254	сова, под редакцией Н. Рубина, с предисловием Е. Пашуканиса	201
Баммель, Гр. — На философском фронте после Октября	201	Дынин, М. А. — Диалектика Гераклита Эфесского	203
Берви-Флеровский, В. — Воспоминания революционера-мечтателя	239	Зивельчинская, Л. Я. — Опыт марксистского анализа истории эстетики	204
Грант, Франк. — Религия на службе американского капитала	212	Ивановская, П. С. — В боевой организации	249
Даль, Пале. — Марксистское учение о государстве. Перевод с итальянского Н. И. Преферан-		Иванчин-Писарев, А. И. — Хождение в народ	240

	Стр.		Стр.
И о ф ф е, И. — Культура и стиль	252	<i>На иностранных языках:</i>	
К о н, А. — Финансовый капитал и империализм. Изд. 3-е	218	B ö h m - B a w e r k, E. — Zum Abschluss des Marx'schen Systems.	222
Л о з и н с к и й, З. — Экономическая политика временного правительства	220	B o n o m i, I v a n o e. — Bisso-lati	237
М а к с а к о в с к и й, П. В. — Капиталистический цикл	215	C o n r a d, G e r h a r d t. — Die Ausgleichungstendenz der Kapitalprofitraten	224
М а р к с, К. и Э н г е л ь с, Ф. — Сочинения. Под редакцией Д. Рязанова, т. XXI. Переписка 1844—1853 гг.	258	D o w s o n, W. - A. — The custom of couvade	227
П а н а е в а, Авдотья (Е. Я. Головачева). — Воспоминания. 1824 — 1870. Изд. 3-е	256	F r i e t z s c h e, G u s t a v. — William Morris' Sozialismus und Anarchismus	236
П е т р и, Франц. — Социальное содержание теории ценности Маркса. Под ред. испред. В. Н. Познякова.	213	F r o s t, W a l t e r. — Hegels Aesthetik	206
Р о ж и ц ы н, В а л е н т и н. — Марксизм и религия	210	H o c a r t, A. - M. — Kingship	226
С а р а б ь я н о в, В л. — Корни религиозности и работа безбожника	211	d e J o n g e, A l f r e d R. — Gottfried Kinkel as political and social thinker	235
С п и н о з а, Б. — Краткий трактат о боге, человеке и его блаженстве. Перевод и предисловие Г. С. Тымянского	200	L i e b e r t, A r t h u r. — Geist und Welt der Dialektik	205
Т о л с т а я, София Андреевна. — Дневник. 1891 — 1897. Ч. II	257	M a r t i n, E. — Cahiers de doléances du ballage de Mirecourt	230
Ф и г н е р, В е р а. — Полное собрание сочинений, т. 1 и 2. Запечатленный труд. Часть I. Изд. 2-е	242	M a t h i e z, A l b e r t. — La Réaction thermidorienne	231
Ф и г н е р, В е р а. — Полное собрание сочинений. Том III. После Шлиссельбурга. Изд. 2-е	245	M i k s c h, L e o n a r d. — Gibtes eine allgemeine Überproduktion.	222
Ф р и д л я н д, Ц. — История Западной Европы. 1789 — 1914. Часть II	229	O p p e n h e i m e r, F r a n z. — Karl Marx	221
		R e i c h a r d, G l a d y s A. — Social life of the Navajo Indians, with some attention to minor ceremonies	225
		T ö n n i e s, F e r d. — Der Kampf um das Sozialistengesetz 1878	234
		S t e i n k r ü g e r, A u g u s t. — Die Aesthetik der Musik bei Schelling und Hegel	208
		W o l m a n, L e o. — The growth of American Trade Unions 1880 — 1923	235